

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Т 70

Тропинка в лесу : проза «Контакта» / составитель – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк, 2016. – 68 с.

Тропинка в лесу

Проза «Контакта»

Составитель – Калашников Н.Н.

В коллективном «контактовском» сборнике «Тропинка в лесу» собрана рассказы и отрывки из романов прекрасной половины «Контакта». Написанные в разное время, многие рассказы уже где-то публиковались. Впервые публикуются рассказы Анны Чернышевой, Елены Барановой, Аллы Мождженской, Марины Авдониной, отрывки из романов Ольги Белоусовой и Надежды Карповой.

Приятного чтения!

Новокузнецк
2016

Наталья КОЛЕСОВА

Двери

Дом возвышался, точно крепость.

Хотя в нём было всего-то пять этажей, на фоне остальных – приземистых, квадратных, вросших окнами в тротуар, – он казался «высоткой». Или нет, всё-таки крепостью – величественной, мощной, даже грозной.

...Центр небольшого южного города был пыльным, зелёным и старинным. Его запрещали застраивать новыми домами, разве что выдержанными в том же стиле, и высотой не больше трёх этажей. Я потихоньку оторвалась от нашей шумной энергичной компании, свернула за угол – и растворилась в тихих малолюдных улицах. Греческая, Итальянская, Немецкая... Улица Контрабандистов – рассказывают, здесь до сих пор сохранились тайные ходы-выходы к морю и к центру города, а по вечерней темноте на ней можно запросто заблудиться. Каждый кованный козырёк, дверь, ворота, даже решётки на узких окнах домов были причудливы и неповторимы. А ещё повсюду лежали, сидели и стояли кошки, либо настоящие, разморённые жарой, либо настороженно и изящно застывшие – в глине или в металле.

Я заглядывала в приоткрытые ворота. Дворы оказались куда больше фасадов домов, тянулись чуть ли не на полквартала: многочисленные деревянные пристройки, лестницы, веранды, бельё на веревках. Клумбочки и клумбы с крупными южными цветами, названий которых я даже не знаю. Вьюны оплетали столбы и решётки веранд густой, яркой массой, почти не колыхавшейся на сильном ветру... Я смущённо и рассеянно улыбалась хозяевам, посиживающим на скамейках и вынесенных из дома стульях, и возвращалась из дворовой тени на оглушающее солнце улиц.

Высоко в ясном – ни облачка! – небе созрел готовый к полёту тополинный пух; не коробочки-клубки, как у нас на севере, а настоящие абажуры. Я представила, как один из них раскрывается прямо над головой и накрывает пушисто-белым одеянием меня – снегурочку, заблудившуюся в лете... Одурающе пахло акацией, просто физически ощущались сладкие жёлтые волны, испускаемые непривычно высокими деревьями.

Я шла, шла и шла. Заблудиться не боялась – по привычным масштабам город мал и несложен. Тут ходит-то всего пара-тройка автобусов и трамваев. Выбрела к лестнице, зигзагом идущей с холмов вниз, к деловитому шумному порту. Прошла мимо купающейся в желтовато-зелёном море набережной с пёстрыми зонтиками столиков и загорелыми уже (всего-то май месяц!) лицами и телами.

Разглядывала плитки у себя под ногами – кое-где ими, разноцветными, фигурными, были выложены причудливые медальоны со львами, гербами и каменными розами, – посматривала по сторонам, наслаждаясь яркими красками фасадов и зелени.

И потому дом – серый, массивный, охвативший полукольцом, пожалуй, весь квартал – возник передо мной неожиданно.

Дом возвышался крепостью. Дом внушал робость. Дом... выглядел домом, надёжно скрывающим в своей каменной глубине, тайной сердцевине, нечто нежное и бесценное. Даже яркие пятна белья на балконах и выдуваемых наружу сквозняком занавесок впечатления не смягчали – дом просто маскировался.

Арка нависла надо мной тёмным прохладным провалом. Казалось, порви шагом прозрачную ткань тени – и пересечёшь некую тайную границу. Я даже невольно задержала дыхание, прежде чем нырнуть внутрь. Арка была глубокой, сыроватой, контуры серых плит кое-где подчёркивал тёмно-зелёный бархат мха...

Свет, цвет и звук обрушились на меня, как будто я шагнула на ярко освещённую сцену театра. Двор оказался просто огромным, окольцованным домом, точно природным утёсом. Здесь, под его укрытием, цвели самые яркие цветы и самые зелёные в мире деревья – во всяком случае, так показалось мне, ступившей из тени в ослепительное пространство двора. Народу было немного – всё-таки рабочий день в разгаре – дети, бабушки, молодые мамы с колясками. И опять же – кошки. Спящие, играющие, нехотя уступающие дорогу медленно едущим машинам.

Кодовые замки и домофоны на дверях подъездов отсутствовали. Да и сама дверь – лёгкая, фанерно-деревянная, – просто привет из советского детства. Внутри было так же темно и прохладно, как перед этим – в арке. Скользя ладонью по гладким деревянным закруглённым перилам, я поднялась по выщербленным ступеням на пару пролётов. Посмотрела вверх – даже голова закружилась, словно я заглянула в глубокий колодец. Крепость-дом, что же ты прячешь?

Было очень тихо. Так тихо, что я даже вздрогнула, когда вдоль стены бесшумно скользнула ещё одна обитательница дома. Кошка.

Казалось, кошка меня ожидает. Во всяком случае, она стояла на крыльце, подрагивая задранном хвостом. Коротко мурлыкнула и, неспешно сбежав со ступеней, направилась к двухэтажному дому посередине двора. Самый обычный дом самой же обычной архитектуры – куб с плоской крышей. Кажется, даже не жилой, окна на втором этаже забиты досками. Возле распахнутой входной двери – несколько вывесок разного формата и цвета. Я шла следом, разглядывая чёткий черепаховый узор кошачьей шкурки – за таких кошек отдают большие деньги, а тут они просто обычные дворовые...

Вывески на стене промелькнули мимо невнимательного взгляда. Магазин номер... МУ... городской клуб развития чего-то там... Я сделала

круг по небольшому тёмному холлу: все двери закрыты, а ведущая на второй этаж ещё и заколочена двумя досками крест-накрест (но как-то неубедительно, точь-в-точь замок на двери в деревне, который бабушка навешивала перед тем, как пойти в магазин). Я даже подёргала доски на пробу. Те поддавались. Будь я ребёнком, непременно б проскользнула наверх, запретный плод сладок...

– Ох!

Мужчина, распахнувший створки двери небольшого магазинчика, оглянулся на мой испуганный возглас.

– Здравствуйте, вы к нам?

– Да вот... зашла...

Свет притягивал меня, словно ночного мотылька. Низкий порог, полукруглый прилавок, занимающий чуть ли не весь магазин. Окна без занавесок. Белый и жёлтый цвет стен, тёмно-коричневый – прилавка и полок. Продавец (хозяин?) – зелёные глаза, тёмные волосы, резкий профиль, лет тридцати – не обращая на меня внимания, разбирал что-то на полке. И слава богу, а то как уставятся на единственного покупателя...

Я прилипла к прилавку. Карты, ракушки, тусклые монеты, деревянные резные фигурки, кусочки то ли разноцветных стекол, то ли камней, веточки окрашенных кораллов... На стенах на специальных штырях висели металлические колокольчики всех размеров – вплоть, кажется, до корабельной рынды. Якоря тоже наличествовали, но, слава богу, сувенирных размеров, иначе в магазине вообще не развернуться.

А ещё тут были альбомы с марками. Я листала их; пахло пылью, кожей и старой бумагой; наслаждалась названиями стран, которые в детстве звучали как сказка. Бурунди, Шри-Ланка... Кажется, вот эти даже были у меня в альбоме!

– Нравятся? – мужчина, поглядывая на меня, стирал пыль с гигантской раковины, лежавшей на подоконнике.

Я с лёгкой ностальгией закрыла альбом.

– Жаль, я уже не собираю марок.

Мужчина кивнул.

– Ну, может, вы собираете что-нибудь другое?

Я окинула взглядом прилавок. Я бы с удовольствием ещё здесь задержалась, но, похоже, пора и честь знать...

– Нет, ничего не собираю. До свидания.

– Каждый из нас что-нибудь да собирает, – говорил мужчина, листая тяжёлый иллюстрированный альбом. – Кто-то коллекционирует свои беды, кто-то разбитые сердца, кто-то минуты радости...

Я задержалась на пороге. Кажется, меня вовсе не вынуждают сделать покупку – ему просто захотелось поговорить. Надо же, философ!

– А что собираете вы?

– Редких посетителей.

Да уж, народу тут явно не густо!

– Жаль, что ваш магазинчик расположен в таком неудобном месте. Знаете, я ведь на вас наткнулась совершенно случайно. Просто зашла за кошкой...

Хозяин блеснул на меня взглядом.

– Вас привела кошка? Хорошая примета.

У него оказалась такая яркая и располагающая улыбка, что я невольно улыбнулась в ответ.

– Да у вас не город, а просто какой-то кошачий рай! Куда не пойдёшь, везде на них наткнёшься...

– Не спешите, можете разглядывать витрину сколько угодно. Я же не говорил, что коллекционирую покупателей... А хотите чаю? Понравился наш город? – он как-то вдруг оживился и заторопился.

– Да. Очень. В смысле хочу чай, и город – да, понравился.

Слово за слово – и мы с Димой неожиданно разговорились.

Я люблю старые городские дома. Не усадьбы или дворцы, просто построенные в позапрошлом и прошлом веке, одно или многоэтажные – значения не имеет. В любом городе я нахожу такие улицы и брожу, широко раскрыв глаза, чтоб, не дай бог, не упустить чего. Наверное, надо было стать архитектором, изучать все эти пилястры-карнизы-фонари, архитектурные стили, и с первого взгляда угадывать десятилетие, в котором построен каждый конкретный дом. Но смогла бы я тогда просто смотреть с замиранием сердца и наслаждением? Да ещё и наверняка проектировала здания типовой застройки – народу нужно дешёвое и быстро строящееся жильё...

– Сейчас модно поворачиваться лицом к природе, стремиться вырваться из города... А я вот до мозга костей горожанка. Знаете, я даже разговариваю с домами!

– Значит, вы коллекционируете дома? – уточнил Дима.

Я засмеялась.

– Да, в некотором роде! Кое-какие даже фотографирую.

– Тогда вам будет интересно это, – он двинул по прилавку альбом. Я пролистнула тяжёлые глянцевые страницы. Великолепные виды Парижа, Питера, Рима...

– А вы на мелочи не размениваетесь, коллекционируете сразу города?

– В некотором роде, – повторил он мои слова. – Хотите, покажу вам город?

Дима смотрел на меня так внимательно, что казался напряженным.

– Я, в общем-то, уже многое видела.

– Да, кое-что вы видели, – согласился Дима. – Но я покажу вам свой город. Свои любимые места.

Ну, будем надеяться, что он не работает с преступной группой, заманивая и грабя беззащитных туристов. Чего у меня брать? Сотню в сумочке?

– Я... – я нерешительно качнула этой самой сумочкой. – Я не знаю...

– Решайте, – он выглянул в окошко. – Темнеет уже. Если не согласны, просто провожу вас до дома.

И правда, вечер уверенно наступал на разморённый солнцем город, обещая прохладу и ровный ветер с моря. Да ещё крупные яркие звёзды и круглую, яркую, как прожектор, луну.

Я согласилась.

За исключением любви к старым домам человек я благоразумный и потому тут же отзвонилась друзьям, у которых остановилась. Мой добровольный проводник запирал свой магазинчик и посмеивался, слушая отчёт с подробностями.

Когда я отключилась, сказал вежливо:

– Надо было вам ещё мой паспорт дать, чтобы вы зачитали им паспортные данные.

– Надо было, – согласилась я. – Куда идём?

– Выбирайте.

– Что выбирать? Сторону света?

– Дверь.

– Что?

Дима махнул рукой на освещённые тусклой лампочкой покрашенные синей краской двери.

– Это что, какой-то ритуал? – спросила я подозрительно. А если он всё-таки какой-нибудь... Синий Борода и держит за этими дверями наивных, размякших на южном солнце туристов? Ведь кроме нас в доме никого... хотя вон же, за распахнутой дверью, смеются люди, кричат дети...

– Можно сказать и так, – согласился Дима. – Показываю я, а выбираете вы. Ну, не робейте, Настя!

Я совершила ещё один круг почёта по небольшому холлу, честно приглядываясь к дверям. Различались они только степенью отколупанности краски и ручками. Господи, ну что ещё за игры!

– Вот эта, – ткнула в третью по счету. Надеюсь, не туалетную.

– Эта, – повторил Дима.

Я посторонилась, с подозрением наблюдая, как он подошёл и взялся за расшатанную ручку-скобу. Когда я пришла сюда, все двери были заперты, я каждую подёргала. Дима сосредоточенно смотрел перед собой, словно прислушиваясь. Лицо его стало напряжённым, почти осунувшимся от непонятого усилия. Что-то еле щёлкнуло – с той стороны.

Опять эта его яркая улыбка – точно вспышка в тусклом свете холла.

– Отличный выбор, мадам!

Дима распахнул дверь, и волосы мне шевельнуло влажным порывом ветра. Я сделала шаг, ещё шаг, переступила порог...

Пересекла границу.

Под ногами – плиты набережной. Море, звёзды, далёкие огни фонарей... смех внизу, на пляже.

Я оглянулась. Дима стоял рядом, дверь за его спиной – металлическая, еле различимая в темноте в крутом склоне холма. Но ведь море же... море же осталось далеко, совсем в другой стороне... и где... где дом?

Дима смотрел на меня, слегка склонив голову, точно выслушивая все мои незадаанные вопросы и предположения.

Повторил негромко:

– Хороший выбор. Твой выбор, Настя. Пройдёмся?

Мы шли по длинной и тёплой набережной... плиты под ногами реальны... смотрели, как внизу, на песке танцует пёстрая весёлая толпа... рука, поддерживающая мой локоть, реальна... свернули на идущую вверх мощёную булыжниками улочку с коваными старинными фонарями, побрели по тихому сонному городу, заглядывая в тепло светящиеся окна... Реально, реально, всё реально.

Дима проводил меня до дому.

– Придёшь завтра?

– Приду.

Быстрое прикосновение к руке, улыбка, эхо удаляющихся шагов. Под фонарём уверенно кружилась мошкара. Всё, всё реально.

Сон, поняла я, проснувшись.

Сон, отмахивалась во время трудового дня от наплывающих воспоминаний.

Сон, твердила упрямо, подходя к «крепости».

И только увидев улыбку Димы, поняла, что сном было не всё. И он при виде меня, кажется, вздохнул с облегчением – неужели тоже думал, что я ему приморочилась?

Заказчики были деловиты, но снисходительны: на сегодня хватит, мы всё понимаем, море, солнце, бегите, развлекайтесь, отдыхайте... Крутите романы, добавляли они про себя.

Роман закрутился. Правда, даже не знаю, с кем – с Димой? С городом?

Я открывала – выбирала – дверь за дверью.

Часы на высокой башне. Старая ратуша. Солнце бросает разноцветные брызги в стекла витражей.

– Дим, этот город... он вообще существует?

– Конечно, существует.

– На самом деле?

Плывущие по реке гондолы – по реке или всё-таки по небу? Звёзды сверху и внизу одинаково ярки и золотисты... Одинаково влажно мерцают.

– На самом деле. Наши воспоминания...

Лабиринт узких мощёных булыжником улиц. Эхо наших шагов. Крепостной зубец над густо-синим морем.

– Сны...

Фонтаны. Целая улица фонтанов. Недействующие, с накиданными на дно монетками на счастье. Работающие: перья воды; прозрачные потоки, текущие по разноцветным плитам; сплетающиеся струи, танцующие, играющие с высотой, цветом. И с нами.

– Наши мечты...

Когда я выбрала заколоченную дверь на второй этаж, Дима впервые меня поцеловал.

Не там, конечно.

Мы шагнули из двери на террасу: город раскинулся перед нами в бархатной шкатулке ночи, точно сверкающий драгоценный камень; было непонятно, где он переходит в море, где море прорастает в небо.

– Как красиво!

Дима казался таким же замороженным, как я. Во всяком случае, он долго смотрел, стоя со мной рука об руку. А потом повернулся ко мне и сказал серьёзно:

– Спасибо.

– За что? Это же твой город?

– Без тебя я здесь никогда не был. Ты мне это показала. Так что это теперь и твой город.

И поцеловал меня.

Он же первый напомнил мне об отъезде:

– Не уезжай.

Был пятый день в городе. Мы лежали у моря – плиты, накопившие солнечное тепло, щедро делились им на закате.

– Не уеду пока, – лениво отозвалась я. – Ещё целых три дня.

Дима молчал долго.

А на прощание повторил:

– Не уезжай.

Ехать, действительно, особой необходимости не было, можно было созвониться, выпросить отпуск...

Но я неожиданно очнулась. Откуда-то появилось странное ощущение, что каждый раз, когда я выбираю дверь, я оставляю за ней кусочек себя. Сияющий драгоценный кусочек то ли души, то ли чувств, то ли старого увлекательного сна. Дима делился со мной, но ведь и я делилась с ним: может, мечтами, может, собой? А вдруг однажды окажется, что я осталась здесь вся, без остатка, что я никогда уже не стану целой и не смогу жить... без Города? Без Димы?

Слишком быстро, слишком много. Слишком серьёзно.

Я запаниковала.

Надо уехать – хотя бы на время.

Понять, разобраться.

А он открывал и открывал передо мной новые двери. И уже не просил – просто смотрел на меня, как будто запоминал. Как будто прощался.

Словно я умирала – день за днём.

Это очень раздражало: ведь между нами же всего сутки на поезде, я буду приезжать...

Он качнул головой.

– Ты не приедешь.

– Не приеду, если ты так хочешь! – взвилась я.

В последний вечер он сидел на ступенях магазинчика. Ждал меня.

– Ну что? – неловко сказала я под его молчаливым взглядом. – Прогуляемся напоследок?

Дима опустил глаза и поднялся. Сказал негромко – привычное:

– Выбирай.

– Вот эта.

Дима наклонил голову, словно прислушиваясь к тому, что происходит за дверью. Мне казалось, или он открывал двери всё с большим и большим трудом?

Оглянулся через плечо.

– Твой выбор, Настя.

И дёрнул ручку. Я вышла на свет и ошеломлённо застыла. Свет был серый. Серый, тусклый. Огромный пустой двор. Не пустой – заваленный мусором, битыми кирпичами, обвалившимися плитами. Дом всё ещё стоял, но крепость уже пала: тёмные провалы окон, серые плиты сорваны, под ними – бесстыдно обнажённые чёрные кирпичи – как уродливый шрам на лице от ожога. Дом сдался, потеряв свою сердцевину.

Я резко обернулась

– Что это?! Что случилось?

Дима неподвижно стоял в дверях единственной уцелевшей стены; с неба падал то ли серый снег, то ли пепел, припорошивал волосы сединой. Глаза его тоже казались серыми. Как будто вылиняли.

– Ты выбрала дверь, – сказал он негромко.

– Я ошиблась!

Я вбежала обратно, потянула за собой Диму: тот нехотя, тяжело поддался, точно не хотел уходить из разрушенного двора.

– Открой вот эту!

Тусклое низкое небо, море бьёт, подмывает набережную – бетон под ногами сотрясается и дрожит от мощных гневных ударов. Проржавевшие перила прогнуты и висят, поваленный фонарь макушкой-плафоном зарылся в песок пляжа. Впрочем, и пляжа-то считай нет – его проглотило море...

– Я ошиблась! – прокричала я сквозь рокот, Дима молча кивнул и первым шагнул за порог ржавой, повисшей на одной петле двери.

Я была беспощадна. Я заставляла открывать его всё новые и новые двери – и те, где мы с ним были вместе, и те, за которыми я побывать не успела.

Везде было одно и то же. Серость. Разрушение. Глухие промышленные стены без окон. Старые бараки. Заросшие крапивой остовы домов.

Наш город умирал.

Я не замечала, каких усилий всё это стоило Диме – пока не потребовала открыть двери, ведущие на второй этаж.

Дима прислонился к стене и качнул головой.

– Нет. Всё. Я больше не могу...

– А я – могу! – крикнула я в его серое при тусклом свете лицо, рванула на себя перекрещенные доски, створки дверей распахнулись вместе с ними. Я взлетела на второй этаж.

Под ногами скрипели осколки стекла, ныли старые, облезшие доски пола. Полуобрушившийся балкон. Затхлость. Пыль. Здесь никто не бывал уже очень давно.

Дима сидел на ступенях крыльца. Я спустилась к нему.

– И что, это – всё?

– Да. Всё. – Дима не повернул головы. – Магазин закрывается.

Он даже не обнял меня на прощание. Просто встал и ушёл, растворился в сладко пахнувшей южной ночи. Он не пришёл провожать меня на вокзал, хотя знал, во сколько уходит мой поезд. А мы ехали на север и, вопреки всем законам природы, нас встречала осень. Серая. Холодная. Промозглая.

Через пару недель я позвонила знакомым, попросила найти тот дом и магазинчик, передать хозяину мой телефон и адрес электронки. Дом они нашли, но дверь оказалась приколочена к косякам, наглухо.

А магазин, по словам жильцов, не работает уже давным-давно...

Никто из старожилов не помнил такого холодного лета.

В июне желтели и падали листья.

В июле пошёл снег.

Я люблю старые городские дома. Я всё ещё разговариваю с ними. Но часто щекочет сердце и память воспоминание – о том, что я видела когда-то. Где-то. Скорее всего, во сне.

Дежавю называется...

А ещё я сегодня увидела идущую по коридору офиса кошку. Кошка была обычной, городской, обычного же пятнистого окраса. Независимо подняв хвост, она прошествовала вдоль стены и исчезла за неприметной дверью. Я ошарашила своего важного собеседника тем, что повернулась к нему спиной и устремилась вслед за кошкой.

Шаг. Ещё шаг. Коснуться ручки, медленно повернуть...

Швабры.

Тряпки.

Ведро.

Кошка, недовольная тем, что обнаружили её маленькое убежище, вопросительно мяукнула. Я прикрыла дверь и повернулась к прерванному на полуслове собеседнику, изобразив на лице улыбку. Надеюсь, ослепительную.

– Извините, так на чём мы остановились?

Но знаете, что?

Я теперь всегда буду открывать двери. Может быть, однажды, я выберу, найду ту и увижу часы на тающей в ясном небе высокой башне, и зубец дома-крепости. Услышу шум моря.

И темноволосый мужчина вскинет голову и блеснёт мне навстречу яркой улыбкой.

Надо только выбрать.

Моя жена – чужая

Утро всегда начинается одинаково.

Хлопанье дверей, шум воды в ванной, шлёпанье босых ног; невнятные ругательства, сопровождающие неожиданно возникающие на пути утром углы и косяки. Алиса приближается ко мне точно маленький квартирный тайфун. Но я-то уже наготове! После вовремя подsunутых свежесваренного кофе и эклера жена потихоньку выходит из предутреннего сумеречного состояния и принимает человеческий облик. Ну... относительно.

Человеческий.

Даже начинает разговаривать. Пока в телеграфном стиле.

– Спалось? – интересуется она.

– Спалось, – соглашаюсь я, подливая кофе.

– А я?

– И ты. Спала... Иногда.

Информация, выдаваемая в столь малых дозах, усваивается утром ею гораздо легче. И уж явно сейчас не стоит рассказывать, как сны, увиденные моей женой, обладающей безграничной фантазией, отразились и на её ночном облике. Нет, я вовсе не возражаю против прекрасной феи, стыдливо прикрывающейся прозрачными крыльями – нашего захватывающего дух полёта я не забуду никогда. Но вот сыплющая искрами зеленоватая чешуйчатая особь... э-э-э... особа! Конечно, огнетушитель всегда под рукой, то есть под кроватью, аптечка в прикроватной тумбочке, и вообще, главное – успеть вовремя её разбудить... И я успеваю.

Пока.

Алиса всё-таки что-то понимает. Морщится. Ворчит:

– Полнолуние...

– Оно, – охотно соглашаюсь я. Я же говорю, что по утрам благоразумно стараюсь с ней не спорить. И не рискну напомнить, что и другие ночи мало чем отличаются от нынешней. Позже, где-то ближе к вечеру, я расскажу, и мы вместе посмеёмся. А может, ей приглянется образ феи, как понравился мне?

К сожалению, Алиса не любит повторяться. Плагиатить саму себя, как она говорит. Хотя почему – к сожалению? Змея, обвившаяся в полночь вокруг моего торса, конечно, очень символична, эротична и прекрасна – на картинах Вальехо – но в собственной постели производит... неизгладимое впечатление. «Неизгладимое», как дразнит теперь Алиса.

– Алисочка, ты ничего не забыла? – спрашиваю я, когда жена слезает с кухонного диванчика.

– Спасибо! – автоматически отзывается она.

– И это тоже. А ещё... – я показываю вниз. В распахнушемся халатике видны её белые стройные ножки, ниже лодыжек заканчивающиеся лохматыми звериными лапками с внушительными когтями. Жена смотрит вниз, ставит ногу на пятку и говорит задумчиво:

– Педикюр давно не делала...

И, цокая когтями по паркету, мягкой кошачьей походкой удаляется из кухни. Так как её длинный пятнистый пушистый хвост подёргивается всё-таки нервно, я благоразумно не напоминаю и о нём.

Знаю, что не пройдет и часу (да, такой я оптимист!), как моя жена выпорхнет из спальни, накрашенная, благоухающая, в чём-то упомрачительно обтягивающем. Волшебная, как ночная фея, гибкая, как кошка, ядовитая, как змея, опасная и непостижимая, точно существо из ужасиков. Совершенно непонятная, просто существо из других измерений – космических, мистических?

Любимая.

Моя.

Подойдёт, поцелует.

Прижмётся.

Попрощается до вечера.

Перед тем, как захлопнется дверь, услышу, как соседка напротив скажет ей очередную утреннюю гадость.

Моя Алисочка очень терпеливая.

Но однажды всё-таки откусит ей голову.

И поделом.

Надежда КАЛАШНИКОВА

Шахматы

Игра. Сколько она продолжается? Час, два, сутки? Счёт времени потерян. На шахматном поле застыли лишь три оставшиеся фигуры – Белый Король, Чёрный Король и Чёрная Королева.

...Больше никого не осталось. Нет уже Белой Королевы – обманчиво милой, беспощадной по сути. Её загнали в угол, и ничем не мог помочь Белый Офицер, до того дважды прикрывавший Королеву собой. Он лишь до крови закусил губу, когда обезглавленное тело летело за край доски. Через три хода за край упал и сам Офицер, а его напарник согласился на честный размен ещё в самом начале Игры.

Чёрный Офицер держался дольше, переживя обоих Белых Офицеров, чем заслужил благосклонный кивок своего Короля. Но, разогнавшись, он пошёл в атаку на Белого Короля – и был сражён обычной Пешкой. Её смешной хвостик так забавно топорщился, когда она бросилась на защиту Короля, – а серые глаза её почему-то улыбались, словно умирать было совсем не страшно. Разозлившись за промах, Чёрный Король отправил Коней проучить глупых Пешек, и сразу три из них заплатились жизнью за жизнь Чёрного Офицера.

Не отставал и Белый Король от своего противника, нанося точные и выверенные удары по тщательно сплетённой, как паутина, защите. Они стояли друг друга, одинаково просчитывая ходы – и одинаково преподнося сюрпризы.

Но Чёрному Королю улыбнулась удача: он сумел сохранить одну Пешку. И, что ещё важнее, сумел провести её сквозь всё поле – и подарить корону. Белый Король остался совсем один. Конец игры близок, и финал её прозрачен – Белый Король уже вынужден отступить к краю доски...

Взгляд Королевы затуманен: силки расставлены, добыча бьётся в тенётах, петля на горле, на бьющейся голубой жилке уже захлестнута. Осталось лишь крепче затянуть... и ловить на рваном выдохе медленно исчезающую, столь непокорную и неуправляемую жизнь...

Нога в изящной туфельке поднимается для решающего шага – и внезапно застывает в воздухе.

Некуда шагать.

Взгляд из опьянённого мгновенно превращается в хищный, цепко оглядывающий маленький участок поля. Мысли вспыхивают одна за другой искорками. Но мозг бесстрастно констатирует: шагать некуда.

Два хода. Теоретически. Практически – ни одного.

Королева оборачивается к Чёрному Королю. Тот скучающе смотрит в сторону, словно ждёт, когда же, наконец, закончится эта ставшая скучной игра, и можно будет идти домой пить чай. Зелёный, с жасмином.

Но хода нет слишком долго, и он нехотя поворачивается с раздражённым видом, словно рядом с ним не грозная Королева, а всё та же прежняя жалкая Пешка. Бровь его чуть изгибается, когда он видит застывшую в нелепой позе соратницу и противника, стоящего на краю доски с невозмутимым видом.

Чёрный Король опускает взгляд на три квадрата, что окружают Белого Короля – и чувствует резкую нехватку воздуха. Ему хватает доли секунды, чтобы оценить положение, но... как?! Как они могли просмотреть, прошляпить... так позорно, почти по-детски *зевнуть*?..

Белый Король скрещивает руки на груди и склоняет голову набок. Он по-прежнему спокоен, лишь на дне серо-голубых глаз просвечивает торжество победителя.

Он победил. Он не поставил ногу на грудь противника – и не обагрил клинок алой кровью, льющей сквозь чёрные доспехи. Но он не дал победить себя – а именно об этом грезил Чёрный Король во сне и наяву.

Королева переводит взгляд с одного короля на другого – и чуть покачивается при этом. Сказывается напряжение полуторачасовой игры и азарта. Но она всё ещё не сделала шага. Ветер взметает подол чёрного платья, обнажая изящную лодыжку, перетянутую узким ремешком. Если бы не он, туфелька, пожалуй, уже слетела бы с замершей в четырёх дюймах от доски ступни. Но Королева всё ещё не может решиться, ибо шагнуть вперёд – смерть, а остаться на прежнем месте – поражение.

– Дьявол!.. Дьявол, дьявол!.. – Чёрный Король не выдерживает, и проклятья оглашают молчаливое поле. Скучающий вид исчез, уступив место нелепой в своём бессилии злости проигравшего.

Он проиграл. Его не пригвоздили к доске, не сбросили с неё. Его лишили возможности сбросить противника. Это даже не ничья, это пат, чёртов пат, когда ходить – некуда.

В ярости Чёрный Король топчет белую – белую! – клетку, на которой находится. Каблуки оставляют царапины на лакированной поверхности. Это не доска – это ненавистное спокойное лицо Белого Короля, искажённое мукой и мольбой о пощаде, в багровых кровоподтёках. Это сломанные рёбра, что врезаются в лёгкие, исторгая предсмертный хрип – и опять-таки мольбу о пощаде...

На настоящем, не из фантазий, лице Белого Короля медленно проступает улыбка. Так мать глядит на неразумное и капризное дитя: всё понимая – и не имея возможности и желания поступать иначе.

Улыбки противника Чёрный Король не переносит: с особо громким и красочным проклятьем он в два прыжка преодолевает отделявшие его от края клетки, и, взметнув полы чёрной мантии, словно птица Рух – крылья, срывается вниз. Крик его становится тише – и, наконец, тишина оглушает оставшихся на клетчатом поле.

Её нарушает негромкий стук опустившегося, наконец, каблука – на свою же клетку. Серо-голубые глаза разочарованно отворачиваются. Но тонкие руки взмывают вверх – и снимают тяжёлую корону.

Вновь налетевший ветер взлохмачивает и без того беспорядочную причёску ещё больше. Королева делает шаг вперёд – на клетку, соседнюю с Белым Королём, на верную смерть, хотя игра и окончена. И кладёт корону к его ногам.

Подёрнутые было льдом глаза теплеют, и улыбка – на сей раз искренняя, восхищённая – вновь трогает бледные губы.

– А вы умеете проигрывать, миледи, – произносит Король, и уважение в его голосе медленно перетекает в теплоту. Сцепленные, казалось, насмерть руки разъединяются.

Королева не двигается с места. Сейчас цепкие пальцы возьмутся за эфес меча, и её отрубленная голова покатится, смешно подпрыгивая, за край. Потом туда же отправится тело – она столько раз наблюдала этот нехитрый процесс за время игры! И хотя игра должна бы закончиться – Чёрного Короля нет, – но он ушёл против правил, глупо ждать их исполнения от его противника.

К тому же... Игра не кончена. Чёрная Королева это чувствует – всей кожей, так ярко, будто никакого платья на ней и нет.

...Сияющая серебром корона со звоном ударяется о доску и катится куда-то к центру поля. Король, чуть качнув обнажённой головой, делает шаг вперёд – к Королеве.

Ветер подхватывает подол чёрного платья и белой мантии, накладывает их друг на друга и нещадно треплет. На одной клетке совсем мало места для двух фигур.

Успевший попрощаться с жизнью взгляд обрушивается на Короля вновь закрутившимся азартом.

– А вы умеете играть, милорд, – констатирует Королева, и лёгкая улыбка трогает её губы. Как эхо улыбки, не сходящей с губ Короля.

Ольга БЕЛОУСОВА

Условный рефлекс

Человек – мера всех вещей?

Протагор

– Здравствуйте, уважаемые гости! Мы рады приветствовать вас в Центре Соприкосновения с Природой! Вы выбрали для отдыха лучшее из возможных путешествий. Мы гарантируем вам массу впечатлений и полную безопасность!

Меня зовут Натани, и я буду вашим проводником по Коридору следующие два часа. Оставьте в холле все колющие, режущие, тяжёлые предметы... Разбейтесь на пары... Во время путешествия запрещено приближаться к стенам Коридора и меняться местами со своими спутниками... Не секрет, что Внешний Мир с трудом выносит присутствие на его территории человека. Он быстро реагирует на любое изменение в нашем поведении. И хотя эта прогулка практически безопасна, пренебрегать правилами всё же не следует. Поверьте, мы только стремимся уберечь вас от возможных неприятностей.

... Ну что, вы готовы? Тогда, прошу за мной!

– *Но Вау, а вдруг они нас заметят?*

– *Не бойся, Урроу, стены этой пещеры прочнее камня. Пока они там, они не опасны нам и нашему миру.*

– ...Ширина Коридора в любой его точке равна восьми метрам. Сверхпрочное стекло, из которого он построен, благодаря необычной тонкости, практически незаметно и создаёт ощущение полного контакта с Внешним Миром. Прозрачный потолок Коридора познакомит вас с эффектом «открытого неба». При этом могу вас заверить, стекло не подвержено механическому, химическому, бактериологическому, термическому, радиационному и другим видам воздействий. Так что вам не нужно беспокоиться за своё здоровье и слишком бурно реагировать на (очень редкие, заметьте!) попытки Внешнего Мира проникнуть к нам. Нет, молодой человек, история о том, как в прошлом году буйвол проломил стену Коридора и растоптал двух посетителей, является чистой воды выдумкой антинатуралистов, которые требуют закрытия экскурсионных Центров, подобных нашему. Да, леди, некоторые утверждают, что Внешний Мир пагубно влияет на душу человека, возрождает в нём древние инстинкты охотника-убийцы. Наверное, ни один из этих противников Природы просто ни разу не был в Коридоре.

Подобная красота не может растрять... Надеюсь, после нашей прогулки вы со мной согласитесь.

– *Смотр-ри, смотр-ри, выходят!*

– *А ты, что, сомневался? Сегодняшний день ничем не хуже предыдущих.*

– *Похожи на обезьянок. Такие забавные, почти без шер-рсти... Им не холодно?*

– *Почем я знаю? Нет, наверное.*

– Итак, начнём с азов – для тех, кто никогда раньше этим не интересовался. Голубой прозрачный купол над нашими головами называется «небо», яркий жёлтый шарик в нём – «солнце» (от него, кстати, мы до сих пор черпаем почти дармовую энергию), пространство, через которое проложен данный участок Коридора – «африканская саванна». Вам повезло – сегодня во Внешнем Мире ясная солнечная погода...

– *До сих пор-р не могу пр-ривыкнуть к мысли, что это – наш самый стр-рашный враг. Они кажутся такими безобидными.*

– *Глупый Урроу! Помнишь, что говорил нам Па? Что они умеют притворяться беззащитными, но стоит только дать им волю... Люди – как лихорадка, которая приходит внезапно и забирает всех подряд.*

– Саванна простирается вокруг нас на многие километры. Мир её сложен и богат одновременно. Здесь ценятся сила, ловкость, скорость и хитрость.

Царём саванны традиционно считается лев. Он обладает всеми перечисленными мною качествами, и потому не удивительно, что на протяжении многих столетий удерживает за собой этот титул.

– *Но, может, тогда, Вау, нашим пр-редкам следовало уничтожить их всех?*

– *Урроу, Урроу! Дурра-ау-чок! И в кого ты такой невнимательный? Нам ведь это рассказывали на уроках! Равновесие нельзя нарушать!*

– Пара, играющая в траве справа от нас, – всего лишь детёныши. Им нет ещё и года, но они уже чувствуют себя здесь хозяевами. ...Обратите внимание на шерсть, покрывающую их головы. Такая грива есть только у самцов. С возрастом она становится более густой и длинной, что придаёт львам величественность и красоту...

– *Ау-у! Прекрати! Ты же знаешь, что я вывернул лапу вчера на охоте!*

– *А ты не др-разни меня, Вау! То, что ты р-родился пер-рвым, ещё ничего не значит!*

– *Ладно, ладно! Слезь с меня, Урроу! Нашёл время для драки! Люди смотрят!*

– Прошу вас не задерживаться... Впереди ещё много интересного... Антилопы, жирафы, возможно даже...

– *Мы пойдём за ними?*

– *Пойдём, если хочешь. Только не забудь, Ма велела вернуться до начала охоты, а не после, как ты сделал в прошлый раз.*

– *У-ур-р! Ты ведь тоже был с нами, Вау, а попало мне одному! Почему?*

– *Мы будем выяснять это прямо сейчас, Урроу?*

– ...О! А это, несомненно, сюрприз! Слева, у деревьев, отдыхает семья слонов. Редкое невероятно красивое зрелище. Наши предки истребили их почти полностью в погоне за ценной слоновьей костью. Похоже, сейчас их численность постепенно восстанавливается...

– *Ты же знаешь, Урроу, что в мире всё связано. Если бы человек был не нужен, он никогда бы не появился на свет... Понимаешь? Не в нашей власти решать, кому жить здесь, а кому нет.*

– *Понимаю, Вау.*

– *Мы только приучили людей не соваться в нашу жизнь...*

– *Смотр-ри! Они напр-равляются к р-реке!*

– *Тропа не меняется... Хорошо! Я хочу пить.*

– Это крокодилы, мадам. Из их кожи когда-то делали великолепную обувь. Да, они съедобны, молодой человек, но, я полагаю, вы понимаете, что подобную мысль лучше сразу выбросить из головы! Ради собственного блага, прошу вас ограничиться синтетическим мясом.

Львы? Да, возможно, они преследуют нас. Мы похожи на обезьян, а значит, на законную добычу. Лев, как и любое другое животное, наделён не разумом, а набором рефлексов, которые он приобретает при рождении и потом пополняет на протяжении всей своей жизни. Его инстинкты не распространяются дальше охоты и размножения. Не волнуйтесь, нам они не опасны. Повторяю, Коридор надёжно защищён от любого вторжения.

...Этот поворот означает, что наше путешествие подходит к концу. Мы будем в Центре через тридцать минут.

...Надеемся увидеть вас снова!

– *Каждый день... по одной и той же тр-ропе... как мур-раши... Почему? Р-разве они не р-разумны?*

– *Рефлекс. А рефлекс, знаешь ли, великая вещь...*

Верни весну

(отрывок из романа «Анка»)

– Ты вернулась, – сказала чёрно-белая Сати. Я кивнула. За спиной скрипнула, закрываясь, дверь Лабиринта.

В отличие от прошлого раза, я прекрасно осознавала происходящее, помнила, кто я такая и чего мне здесь понадобится. И, соответственно, чувствовала себя намного увереннее. Недолго, впрочем.

Мы стояли на краю скалы. Внизу, так далеко, что шум воды был похож лишь на шёпот, о скалу разбивались огромные волны. Моя уверенность шлёпнулась в эти волны и утонула. Я несколько нервно отступила от края.

– М-м-м... мне кажется – или в прошлый раз пейзаж был... другим?..

– Ах, это, – Сати махнула рукой, закованной в железную перчатку. – Это только картинка. Я люблю море. А ты?

Я видела море впервые в жизни.

– Судя по всему, нет.

– Ну, тогда ладно.

Местность изменилась. Мы сидели в огромном гроте. С высоких сводов вниз спускались золотые сосульки, у ног плескалась усмирённая кем-то вода.

– А-а... м-м-м... – умно сказала я. Сати засмеялась. К её смеху, и без того тяжёлому, присоединилось ещё два голоса. Борясь с острым желанием заткнуть уши, я сцепила руки за спиной.

Шагах в двадцати от нас сидел уже знакомый мне дракон. В реальности он оказался не больше Руфа. Приглядевшись, я обнаружила, что дракон привязан верёвкой к одной из сосуллек.

– Ну, что, начнём новую партию? – спросил кто-то за моей спиной. Я обернулась.

– Нет, я пас, – сказал, тяжело поднимаясь, высокий беловолосый человек. Или бог? Или?.. Я спешно отвернулась. Он оказался совершенно голым. – Мне снимать больше нечего. Уф-ф... Ноги отсидел... Сати, эти твои перемены ландшафта несколько выбивают из колеи...

– Не дуйся, Ной!

Ной? Если это и бог, то не из наших, я такого не знала.

– Ты слишком красива, чтобы я мог дуться на тебя, дорогая. Пока, Роскиль!

– До встречи, Ной!

Беловолосый растаял в воздухе. Запахло вишней.

– Он даже не потрудился одеться, – удивлённо сказал Роскиль. Я улыбнулась. Роскиль-Хитрец. Я узнала его сразу. Вылитый Роске. То есть, наоборот, конечно. Не зря мальчишку так называли, есть в кого. У Хитреца были рыжие кудрявые волосы, спускавшиеся на плечи, прямой длинный нос и кривящиеся в усмешке губы. Мускулистое загорелое тело с некоторым трудом прикрывала тонкая набедренная повязка. Рядом высилась бесформенная куча цветных тканей – его одежда.

– Чему улыбаешься? – зло спросил он, брезгливо ковыряя песок большим пальцем ноги.

– Ты проигрываешь? – ответила я вопросом на вопрос. Роскиль поморщился.

– Это кто ещё, Сати? Откуда ты её взяла?

– Я взялась сама, – заверила я, чувствуя, что мои симпатии к Хитрецу быстро испаряются. Сати снова захохотала.

– Ба! Анка! Ты как сюда попала?

Голос, знакомый до боли. Я прищурилась. Ну, так и есть! Кот, собственной персоной. Причём, в отличие от Роскиля, он был почти полностью одет.

– То же самое могу спросить у тебя.

– Твоя подружка, Котус? – понимающе спросил Роскиль.

– Нет! — ответили мы хором.

– А-а... – лениво протянул Роскиль. – Ясно... Сати, давай, садись, я отыграться хочу!

На Сати из одежды оставалась железная перчатка, туника и заколка, удерживающая в совершенно безумной причёске чёрно-белые волосы. Туника была расшита золотом. Приглядевшись, я с некоторым удивлением сложила буквы в слова: «Кости – радость, кости – скука, кости – деньги, кости – мука».

– погоди, Хитрец, – отмахнулась Сати, – сначала я хочу с девочкой разобраться.

Я поёжилась. Мне не нравилось, что обо мне говорят в третьем лице. Я совершенно не представляла, как боги общаются с людьми, но была уверена, что не так. Не хватало чего-то... Некоторой торжественности, что ли?

– Ну, девочка?! – поторопила меня Сати. – Смелее! Ты в Лабиринт зачем пришла?

– Не знаю, – призналась я. – Первый раз Руф привёл. А второй... Ну, вообще-то, я была в Храме. И... и вот.

– И вот? – фыркнул Роскиль. – Ну, давай тогда, иди обратно.

– Как?

– Как хочешь.

– погоди, Рос, – велела Сати. – Разве гостей так встречают? Девочка заблудилась...

– Гость? Я её сюда не звал.

– Меня зовут Анни Далере, – отчеканила я, понемногу начиная злиться. – И не тебе, Роскиль-Хитрец, учить меня вежливости!

Кот фыркнул и отвернулся. Хитрец приподнял рыжую бровь.

– Что за бред? Ну, говори!

– Не рычи на меня, не боюсь, – предупредила я, стараясь не бояться на самом деле. – Сидишь тут, в кости играешь, а в Империи из-за тебя до сих пор весна не пришла!

– А?

– Верни весну, Роскиль, – повторила я. – Ты забыл, что без тебя у нас даже капель не начнётся? На дворе апрель к середине подходит, а дети до сих пор снеговиков катают!

Роскиль хлопнул себя по лбу.

– Ну, надо же! А я думаю, где я твои глаза видел? Ты графиня из Далере, да?

– Кажется, я именно так и представилась.

– Ха! Анка! Вспомнил! На прошлое первое апреля я прибил твои туфли к полу.

– Это был ты? – удивилась я. – А я-то думала, что Нэнни...

– Ты всё ещё развлекаешься этим, Рос? – презрительно рассмеялся Кот.

– Ну-ну... шуточка устарела веков как пять назад...

– Заткнись, – посоветовал Роскиль. – Уж конечно, преподнести собственный труп в подарок родичам куда как остроумнее!

– Первое апреля – никому не верю, – заметил Кот. Сати улыбнулась.

– Анни Далере... – Роскиль взглянул на меня как-то по-новому. Мне тут же захотелось забраться под одеяло. Естественно, никакого одеяла рядом не оказалось. – Однако ты похорошела за последний год.

– Так ты вернешь нам весну или нет? – я решила твёрдо придерживаться заявленного вопроса.

Роскиль ухмыльнулся.

– А давай так, леди Анни из Далере – сыграй с нами на раздевание. Выигрываешь – загадываешь желание, хоть про весну, хоть про лето, хоть про что угодно. Сбудется, обещаю. Нет – забудь, не вспоминай.

За моей спиной кто-то негромко зарычал. Я оглянулась. Дракон выпустил тонкую струйку дыма и подмигнул. Интересно, а не он ли помог мне попасть в гости к Сати?

– Если выигрываю я, ты, Роскиль, исполняешь моё желание. Если кто-то из вас, я раздеваюсь. Так? – уточнила я на всякий случай.

Кот фыркнул.

– Девочка, ты никогда не разденешься. Тебя этому не учили. Давай, я лучше отправлю тебя домой.

Я вопросительно смотрела на Сати, игнорируя его слова. Дьяволица улыбалась.

– Не хочешь, как хочешь, миледи, – пожал плечами Кот. – А действительно, давайте, сыграем. Подумаешь, желание!

– Подумаешь? – прищурился Роскиль. – Конечно, не тебе же его выполнять!

– Мне казалось, ты это предложил, Рос, – невинно напомнил Котус. – Да и кто сказал, что она выиграет?

– Мне сегодня не везёт.

– Ну, тогда не играй.

– Вот уж дудки! Может, я всё ж таки верну свою одежду!

– Слушай, нельзя быть таким нудным! За какой Сати (прости, дорогая) тебе нужна эта одежда, если ты можешь себе любую другую сотворить?

– За той самой Сати (прости, дорогая!) и нужна! Тебе не всё ли равно?

– Стоп! – сказала, повышая голос, Дьяволица. – Стоп, стоп, стоп! Это – моя территория! Идите драться в другое место!

– Чего с ним драться-то? – пробормотал Кот. – Он никогда не вёл честных боёв...

Роскиль вскочил.

– Давай! Давай, без всякого волшебства! Один на один!

Кот тоже вскочил. Ростом, как выяснилось, он сильно уступал Хитрецу, но я могла поклясться, что на этом преимущество бога и заканчивалось.

Сати подошла к Коту, что-то шепнула ему на ухо. К моему величайшему удовольствию, он покраснел и опустил обратно на песок. Дракон одобритительно рыкнул.

– Ха! – сказал Роскиль. Кот бросил злой взгляд в его сторону, но с места не встал.

– Прекрати, Рос. *Так* драться ты не умеешь, – тихо заметила Сати. – Не провоцируй Котуса. Он самый сильный из всех, кого я когда-либо создавала.

Роскиль хмыкнул, но тоже сел. Я подумала, что наши служители сильно ошиблись, когда назвали его Хитрецом. С чувством юмора у него было явно не все в порядке.

Кот послал Сати воздушный поцелуй. Роскиль зарычал. А впрочем, может, чувство юмора здесь совсем и ни при чём?

Дьяволица обернулась ко мне.

– Готова, девочка?

Я кивнула.

– Да.

– У меня тоже есть одно желание... – пробормотал Кот. Сати приподняла правую бровь, но ничего не сказала. Роскиль довольно потёр руки и выудил откуда-то из воздуха кости.

– Ну, что, играем?

«Отступать некуда, Анка, позади – Империя», – подумала я, глядя, как падают на жёлтый песок кубики.

Наверное, это была не самая гениальная моя мысль. И теперь я готова была это признать.

– Твой ход, Котус, – Роскиль подвинул кости. К этому времени он успел отыграть обратно тунику и очень широкие короткие штаны, какие носят в Аль-Дире, и пребывал в отличном расположении духа. Сати согласилась расстаться с заколкой и туникой. (Под ней тут же обнаружилась ещё одна. Я подозревала, что Дьяволица мухлюет, но доказать это была не в состоянии.) Кот скинул в общую кучу куртку и жилет. Если учесть, что на мне оставалась одна-единственная рубашка, не трудно предположить, что игра шла *не в мою* пользу.

Кот прищурился, встряхнул кости в кулаке и бросил их на песок. Двенадцать.

– Снимай рубашку, Анка, – засмеялся Хитрец. У меня от ужаса онемели руки. Совсем голой меня видела только моя мама в глубоком младенчестве. И тот факт, что раздеваться придётся перед богами, радости мне не добавлял.

В растерянности я обернулась к груде вещей, куда мне предстояло скинуть свою последнюю рубашку. На самой вершине кучи мирно посапывал дракон.

– Погоди, Рос... – в сознание с некоторым трудом прорвался голос Кота. – Это ведь я выиграл?

– Ты, – согласился Роскиль.

– Так вот, *мне* её рубашка не нужна.

– Да?

Не знаю, кто из нас спросил это, я или Роскиль.

– Да. Не мой фасон. Вместо рубашки я желаю поцелуй.

– Что?!

А вот это, совершенно определенно, сказала я.

Кот повернулся ко мне.

– Глухим по два раза службу не ведут, – заметил он. – Ты целуешь меня и остаёшься при рубашке.

Руки мои снова обрели способность двигаться. Поцелуй! Всего лишь поцелуй! Хм... интересно, как расценит это Олле?

– Никак, – сказал Кот, явно читая мои мысли. – Никак не расценит. Ты ему просто не расскажешь.

М-да... тут он прав.

Пока я раздумывала, Кот подо двинулся ближе. Я зажмурилась. Я ещё никогда и ни с кем не целовалась.

Когда Котус шагнул на поляну, Ной как раз готовился снять с себя последний шнурок. Играли, судя по пёстрому вороху разнообразной одежды, очень давно. При всём при этом, Роскиль пока держался. Странно. Вообще-то, обыграть Сати в кости ещё никому не удалось. О, нет, она не жульничала, просто ей *всегда* невероятно *везло*.

Сати появлению графа обрадовалась, Роскиль, как и следовало ожидать, – нет. Столько лет прошло, а он всё ещё ревновал Дьяволицу. Кот вслух посмеивался над этим, а про себя задумывался, сможет ли сам так любить когда-нибудь?

На этот раз они с Хитрецом даже сцепиться толком ещё не успели, когда на поляне появилась Анка. Хорошенькая, как всегда. И злая. Нет, внешне она была совершенно спокойна, но Котус кожей ощущал её злость. Он хотел бы ей помочь. А ещё он хотел *её*. Осознание этого факта привело его в бешенство.

Анка проигрывала. Кот не понимал, зачем она вообще ввязалась в игру, но поначалу ему нравилось наблюдать, как девушка снимает с себя одну за другой свои одежды, и он молчал.

Сапоги. Куртка. Штаны. Он надеялся, что Анка остановится, но графиня только поджимала губы, бледнела и продолжала кидать кости.

Чулки. Подвязки. Верхняя рубаха. Анка успешно игнорировала шутки Роскиля и холодный смех Сати. Да и азарт игры на неё явно не действовал.

Серьги. Колечко.

И вот...

Кот не мухлевал. Наверное, поэтому он воспринял выпавшие очки не как удачу, а как знамение свыше.

– Поцелуй меня, – прошептал Кот, касаясь её губ. Они были тёплыми и чуть дрожали.

«Мне страшно». Анка не сказала этого вслух, но Кот всё равно услышал.

«Можешь себе представить, мне тоже».

«Не могу».

«И не надо. Поцелуй меня».

Наверное, именно так и продают душу Дьяволице.

– Котик! Котик! Э-эй! Мы вам тут не мешаем?

Котус пришёл в себя, когда почувствовал, как Анка, упираясь кулачками ему в грудь, пытается его оттолкнуть. Кот обиделся на неё и разозлился на себя.

– Ты не умеешь играть и не умеешь целоваться, – заметил он, вытирая тыльной стороной ладони губы. – В следующий раз снимешь рубашку.

Анка наотмашь ударила его по лицу.

Я потёрла руку, глянула на Сати. Дьяволица улыбалась.

– Твой ход, девочка.

Я зажала кости в кулаке и замерла. Если мне не повезёт сейчас, то не повезёт уже никогда.

Я перевела глаза на Роскиля. Тот ковырял большим пальцем ноги песок, напевая под нос какую-то песенку.

– Следующего раза не будет, Кот, – сказала я, не глядя в его сторону. Он не ответил, и я разжала кулак.

Кости с дробным звуком покатались по песку и замерли.

– Ну, надо же... второй раз подряд...

Я опустила глаза. Шесть и шесть. Двенадцать. Двенадцать...

– Если кто-нибудь выбросит больше, я очень удивлюсь, – пробормотал Роскиль.

Никто и не выбросил. Семь у Роскиля, девять у Сати и десять у Котуса. Я затаила дыхание. Я так долго ждала этого момента, что даже не сразу поняла, что он наступил.

– У тебя было желание, девочка, – напомнила Сати. – Говори его. Только прежде хорошенько подумай. Ведь желание-то у тебя не одно? Не ошибись, выбирая.

И я подумала. Мгновение, не больше. А чего, собственно, думать? Судьба Дали касается только меня, а зима в Империи – беда для всех.

– Мое желание не изменилось, – выговорила я. – Верни нам весну, Роскиль-Хитрец.

– Конечно, верну, стоило тебе так беспокоиться, – пожал он плечами. – Только вот обратно себе всё отыграю, и вами займусь. Хорошо?

Я поняла, что торг может затянуться.

– Нет.

– Что – нет?

– Нет, верни сейчас, а потом отыгрывайся или проигрывай всё по новой, меня это уже трогать не будет.

– Хм... ты ставишь мне условия? – уточнил Роскиль.

– Ставлю, – подтвердила я. – Это игра, и ты проиграл. Когда проигрывала я, я снимала одежду. Сейчас я прошу лишь пойти со мной и навести порядок в смене времён года.

Роскиль глянул в сторону Котуса, и я внезапно поняла, почему он медлит. Он просто боялся оставлять Кота наедине с Сати. Правда, открытие это сочувствия к Хитрецу во мне не прибавило.

– Пошли.

– Не пойду, – упрямо заявил Роскиль и щёлкнул пальцами. – Не всё тебе равно, откуда я весну сотворю?

Мне было всё равно.

– Вот и славненько... Ступай домой, Анни из Далере. Или, может, ещё партию? Тебе, кажется, везти начало? Что, желания кончились?

Желания остались, только вот я была уверена, что гостеприимство Сати имело определённые границы.

– Нет, спасибо. Надо сохранить хотя бы рубашку.

– Ну, нет, так нет, – легко согласился Хитрец. – Кот, может, проводишь девушку? Ну, чтобы не плутала?

Мне вдруг пришло на ум, что Роскиль заварил всю эту кашу с одной-единственной целью – избавиться от Котуса. Всё бы ничего, но почему – за мой счёт?

– Проводишь?

Котус угрюмо кивнул.

Ольга ДУДАРЕНКО

Прилетит летающая тарелка...

...Прилетит летающая тарелка и заберет меня отсюда к ... матери...

Тим Костенко (Дивов О. «Стальное сердце»)

Странная – это ничего не сказать. Есть такие «городские сумасшедшие», про которых сразу ясно, что к чему, а тут два года недомолвок, постоянно отрубленный телефон и любовь.

Любовь носила джинсы, очки и откликалась на имя Света. Ещё она обожала кататься с Игорем по ночному городу, но не приглашала к себе.

Никогда. Словно у неё там выводок вурдалаков под кроватью прятался или героин в кладовке лежал. Кого другого бы Игорь давно послал, но Светкины отговорки терпел, хоть и злился, а в животе урчало и ворочалось задетое самолюбие.

– Ну, хорошо, – не выдержал Игорь на одной из прогулок. – Свет, давай так: мы сейчас едем ко мне, а потом ты у меня остаёшься.

Не чуя подвоха, Светка кивнула.

– Жить, – закончил Игорь.

– Твою ж мать... – вздохнула женщина.

Её лицо в полумраке салона казалось мучнисто-бледным: похожего цвета крылья ночных мотыльков.

– Оно тебе надо? – спросила она тоскливо. – Ты хорошо подумай.

Но вместо ответа Игорь отстегнул ремень безопасности, чтобы удобнее было целовать Светку в мягкие тёплые губы. А также в шею.

Или он её сегодня убедит, или... Игорь осторожно прикусил краешек уха, от чего женщина вздрогнула и немного расслабилась.

Или не убедит. Что в этом случае делать, Игорь не представлял: может, связать и похитить? Верёвка – в багажнике, даже мешок из-под сахара есть... До конца праздников женщины не хватятся, так что ровно три дня можно будет спорить и выяснять отношения. Выяснять и выяснять... Игорь так замечтался, что не сразу расслышал Светкин голос, хриплый от простуды.

– Поехали ко мне. Только ты никому ничего не расскажешь.

– Никому, – пообещал Игорь тоном пионера на линейке.

– А звезду с неба? – прищурившись, потребовала Светка.

– Которую? – преданно уточнил он.

Женщина вздохнула: она подозревала, что прежде, чем требовать от мужчин обещания, нужно прикинуться этакой классной дамой. Из тех, знаете, пересушенных дев, в платьях-мешках под самое горло. У Светки глухих блузок не было лет с пятнадцати.

– Ты понимаешь, – она споткнулась. – Я... – споткнулась ещё раз и сдалась. – Кафе на Мичурина знаешь? Там за стоянкой пустырь... Вот туда.

Светка странно, по-подростковому, вжалась в кресло и опустила голову.

Может, стоило переехать к Игорю? Всё при нём: карьера, квартира, машина, жизнь распланирована лет на десять вперёд и, что приятно, в этих планах семья. Настоящая семья, какую Светка всегда хотела...

Наверное.

Игорь был, в хорошем смысле, приземлённым, даже внешне походил на обстоятельного, довольного жизнью медведя.

Светка сглотнула, вжимаясь ещё глубже: и как она ему скажет?

Ну вот как?

Сколько раз она репетировала этот разговор...

– Ты в летающие тарелки веришь? – прощупала Светка почву, пока Игорь парковался, выкручивая руль.

Когда человек занят не тобой, а корявым асфальтом, говорить значительно легче.

– Не верю.

– Зря, – ляпнула Светка. – Я в такой живу.

И замерла, ожидая то ли смеха, то ли грома с небес, но раздался только щелчок ремня безопасности.

Как холостой выстрел.

– Пойдём? – Игорь потянулся к дверце.

– Я живу в летающей тарелке.

– А я – в самолёте, – сказал мужчина чистую правду: дом на Фрунзе так и называли.

– Я в настоящей, как у марсиан.

– Ты меня пригласила? Или нет? – по-деловому уточнил Игорь.

Светка решила.

– Я быстро, жди.

Она выбралась из машины и, отойдя на пару шагов, запрокинула голову.

Высматривала что-то, потом махнула рукой, будто сигналив: вот она я, здесь.

– В грузовой заедешь? – обернулась она к машине.

– Что? – Игорь потянулся к дверце.

– Она контейнер спустит, – наклонившись к окну, разъясняла Светка.

– Грузовой. Лифт грузовой, нужно машину туда загнать.

– Свет, – Игорь потёр лоб. – Я устал – хуже собаки, давай ты в другой раз меня разыграешь?

– Давай, – тихо-тихо согласилась женщина. – Мы на месте, дальше не проедем.

Лифт, вернее – громадный рыжий контейнер, тарелка всё-таки спустила, перегородив выезд с пустыря. Заботливо развернула к машине, чтобы той удобнее было въезжать задним ходом, даже подсветила дорогу.

– Это... – Игорь всё-таки вышел. – Это... Поехали отсюда, Свет, – велел он твёрдо.

– Нет. Это моя летающая тарелка.

То, что висело над головой, закрывая полнеба, тарелкой не было. Ну никак... словно Эверест потерял вес и взлетел, сохранив массу. А лифт-контейнер приглашающе обнажил кислотно-оранжевое нутро.

Впервые за несколько лет Игорь не знал, что сделать: самым верным казалось взвалить женщину на плечо и унести от космических тарелок в свою комфортабельную и обывденную берлогу.

Или просто уйти из-под нависшей над пустырем глыбы. И, заодно, от Светки? По всему выходило, что так: лицо у неё было, как у партизана перед допросом. Или как у парашютиста перед первым прыжком.

– Свет, послушай... поехали ко мне. Потом вернёмся, если захочешь, и поднимемся. Не сейчас.

– Почему?

Слов у Игоря не нашлось. Пока он соображал, как тут можно ответить, Светка тоже что-то надумала, кивнула сама себе и, подхватив сумку с капота, пошла к этому «лифту» дикой расцветки.

– Пока.

Похоже, она торопилась уйти: даже походка у неё сделалась резкая, от бедра.

Сзади джинсы были... особенно убедительны.

– Стой. Свет, – лифт уже закрывался, и Игорю пришлось поднырнуть под опускающуюся дверь. – А на чём эта махина летает?

– Да чёрт её знает. Тебе-то какое дело? – женщина зло надавила на кнопку, отчего дверь застыла, а потом поползла вверх, открывая выход.

– Так. Думаю. – Игорь одной рукой притянул Светку, а другой нажал на ту самую кнопку, разрешая лифту закрыться и унести их в самое брюхо взлетевшего Эвереста. – Вдруг заправлять придётся...

Надежда КАРПОВА

Почти человек

(Отрывок из романа «Кровь Хранителя»)

Она познакомилась с Золотым Драконом, когда ей было шестнадцать лет. Тёплым летним вечером в трактире остановился небогатый купец, едущий по торговым делам. Но Эстела сразу его узнала, случайно встретившись с ним взглядом. Она, как и все дети в деревне, любила в детстве слушать рассказы Гиланора; мудрец частенько приезжал в родную деревню проведать сестру и племянников. Поэтому Эстела прекрасно знала, что означают зелёные глаза у человека – в стране, где зелёных глаз у людей почему-то не бывает. В первый момент она растерялась и не смогла этого скрыть. Он понимающе улыбнулся ей и пошёл просить комнату на ночь. Эстела, вытиравшая в этот момент столы в зале, от потрясения выронила тряпку и долго не могла прийти в себя. У неё в голове не укладывалось, что можно встретить Покровителя Эльдананда вот так вдруг – и где?! – в захолустном трактире. Конечно, она знала легенду, что Золотой Дракон может принимать любой облик и незнанным путешествовать по стране. Но одно дело – знать, и совсем другое – неожиданно столкнуться с ним лицом к лицу.

Эстела весь вечер, пока он ужинал в общей зале, не сводила с него взгляда. Он это прекрасно замечал и то и дело ей улыбался. Но что поразило девушку больше всего: на него никто не обращал внимания. Его что, больше никто не узнаёт?

Подавая ему ужин, Эстела хорошо его разглядела. Высокий, стройный, мускулистый, выглядит очень молодо, хотя по легенде ему не меньше тысячи лет. Золотистые вьющиеся волосы до плеч, изящные манеры, и, вообще, он гораздо больше походит на красавца-донжуана, любимца женщин, чем на купца. Чувствуя, что у неё уже голова идёт кругом, Эстела поспешила уйти.

Она залезла на крышу конюшни, села, обхватив колени руками, и стала смотреть на звёздное небо. Это её любимое место, она частенько в хорошую погоду приходит сюда и часами смотрит на звёзды. Вот и сейчас, Эстела потеряла счёт времени и не знала, сколько просидела так: замороженная мерцанием мириадом звёзд-алмазов на чёрном бархате ночи. И вдруг почувствовала, что она не одна. Резко обернувшись, увидела ЕГО: он сидел рядом и тоже смотрел на звёзды. И Эстела неожиданно для себя спросила:

– Как это, летать?

– Здорово. Никогда в жизни мне ничто не нравилось больше, чем полёт. Хочешь полетать со мной?

– Нет.

– Почему? Боишься?

– Не боюсь. Просто люди не созданы, чтобы летать. Так что незачем заблуждаться, будто и нам подвластно небо.

– Значит, ты – реалистка? Но я не припомню, чтобы людей когда-либо что-либо останавливало, если им чего-то очень хочется. В природе человека идти напрямую к желаемому, перешагивая через преграды и плюя на запреты. Если человеку что-то приспичит, он мигом отыщет для этого средства. Проверено многотысячелетней историей человечества.

– К чему ты всё это говоришь?

– К тому, Эстела, что, если ты любишь небо и хочешь полетать, лови подвернувшийся случай и наплюй на всё остальное.

– Ты меня испугаешь?

– Нет, просто предлагаю тебе полетать со мной. Ты же хочешь этого.

– Откуда ты знаешь? В моих мыслях прочёл, да?

– Я никогда не читаю мысли без крайней необходимости. Сейчас такой необходимости нет.

– Тогда откуда ты знаешь моё имя?

– Тебя звал отец. Он всегда кричит так громко – все в зале слышали, как тебя зовут.

– А как ты меня здесь нашёл?

– Я вышел вслед за тобой и видел, как ты сюда залезала. Некоторое время раздумывал, стоит ли идти следом. Потом всё же решил пойти.

– Почему?

– Потому что ты мне понравилась. Я что, уже и с понравившейся мне девушкой поговорить не могу?

Эстела растерянно уставилась на него: такого она услышать не ожидала. Она была не красавица, и характер у неё был совсем не подарок. Она об этом знала и привыкла, что парни с ней встречаться не хотят, а весёлые пригожие девчонки смеются над её недостатками и говорят, что на такую никто не позарится. И вдруг красавец-мужчина заявляет, что она ему нравится. Есть от чего растеряться. Правда, он не человек (или не совсем человек), но всё же... Эстела опасливо на него поглядывала, не зная, что и думать.

Когда молчание совсем уж затянулось, девушка решила сменить тему:

– Почему на тебя никто не обращает внимания, и никто не узнаёт?

– Потому что я отвожу всем глаза.

– А мне, значит, нет?

– Тебе тоже, но на тебя заклятье не действует. У тебя сильный магический потенциал – хоть ты и не маг, но подсознательно защищаешься от влияния на твоё сознание.

– И что, я одна такая?

– Здесь, в твоей деревне, да. А вообще таких людей достаточно много по всей стране. Если два таких человека женятся, то с большой долей вероятности их дети родятся магами. Именно поэтому иногда у обычных родителей появляется ребёнок-маг. И вовсе необязательно, что он незаконнорожденный отпрыск какого-либо дворянина, как многие люди привыкли думать. Я несколько раз видел, как сердитый муж, уверенный в неверности жены, избавлялся от такого ребёнка; даже если несчастная женщина в принципе не могла приблизиться ни к одному дворянину ближе, чем на сто метров. Я заботился о судьбе этих детей, как мог. О тех, о ком знал. Боюсь, их было значительно больше.

– А разве ты не всё знаешь?

– Конечно, нет! Всё знать невозможно. Это только Богу под силу.

– Кому?

– Вот и ещё одно последствие моего появления, – вздохнул он. – В Эльдананде забыли, что такое религия. И это одна из причин, почему вас не любят другие страны: они считают вас безбожниками. Бог – это Создатель мира, Эстела, Творец. И боюсь, он меня не похвалит за то, что в этой стране перестали его чтить.

– Разве ты можешь с ним говорить? – поражённо спросила Эстела.

– Нет, – засмеялся он. – Это не может никто из живущих. Хотя некоторые люди в заблуждении считают иначе. Однако после смерти все мы встречаемся с Творцом и даём ему отчёт о прожитой жизни. И я когда-нибудь с ним встречусь.

– Но ты же бессмертен!

– Бессмертие бывает разное. Живу-то я долго, но меня тоже можно убить. У меня не настолько завышенное самомнение, чтобы считать себя неуязвимым и непобедимым.

– А что же тогда будет с нами? – испуганно прошептала Эстела. – С Эльданандом?

– Успокойся. Я не собираюсь умирать прямо сейчас. Я просто хотел сказать, что и я рано или поздно встречу с Творцом. Но это может произойти и через тысячу лет, и через две, и позже...

– Да, конечно, – Эстела рассердилась на себя за свой испуг, и на него – что заставил столько времени думать о себе. Ещё ни один мужчина не задерживался в её мыслях дольше нескольких минут. Это нужно было прекращать, пока всё не зашло слишком далеко.

– Я пошла спать. Уже слишком поздно, а у меня завтра много работы.

– Так ты не хочешь полетать?

– Я же сказала: нет! – от злости её голос прозвучал слишком резко, и Эстела поспешила уйти – пока он не начал рассказывать ещё что-нибудь интересное, а она окончательно не забыла про всё на свете...

Золотой Дракон остался в деревне, но никого не удивляло, что «купец» живёт себе в какой-то захолустной деревеньке, не намерен никуда уезжать и даже не думает заниматься торговлей. «Наверное, опять

магия», – с досадой думала Эстела, догадываясь, что он остался из-за неё. Она пыталась его избегать, но, живя под одной крышей, это трудно делать. Они то и дело сталкивались: в зале трактира, где он завтракал, обедал или ужинал, а она подавала еду. Или на речке, где она стирала, а он просто гулял в окрестностях деревни – и почему-то чаще всего вдоль берега. Любовался, как солнце играет в струях воды, но не реже смотрел на неё. Однажды Эстела не выдержала и всплила:

– Зачем ты за мной всё время ходишь?! Что тебе надо?! На кой... ты здесь вообще остался? Ехал бы себе своей дорогой!

– Мне куда ехать, Эстела, – немного грустно сказал он. – Меня нигде не ждут. А просто так ездить туда-сюда без цели и смысла слишком тоскливо, чувствуешь себя неприкаянным и никому не нужным.

– Тогда на кой... Зачем ты вообще пошёл в это путешествие? Сидел бы в своей Долине!

– Там ещё тоскливее. Там никого, кроме меня нет, и моё одиночество ощущается ещё острее. Здесь, по крайней мере, вокруг люди, есть с кем поговорить. К тому же, я хочу знать, что происходит в стране, как люди живут.

– Вот и езжай узнавай! Чего ты здесь-то торчишь?

– Но здесь тоже люди живут, – мягко улыбнулся он.

– Но здесь нет ничего интересного! Обычная скучная жизнь.

– Именно поэтому мне здесь интересно. Потому что сам я никогда не жил такой жизнью. Когда жизнь чересчур насыщенная и интересная – это тоже надоедает. Хочется чего-то простого и обыденного.

– И поэтому ты здесь столько торчишь? – съязвила Эстела.

– Нет, я остался главным образом из-за тебя. Ты самое удивительное чудо в этой деревне. За тобой никогда не скучно наблюдать.

Эстела ошарашено уставилась на него. Он назвал её чудом! ТАК назвать её не додумался бы ни один мало-мальски здравомыслящий человек. Её называли шпилькой, сорванцом, язвой, дикой кошкой, но чудом!.. У Эстелы все мысли смешались.

С трудом взяв себя в руки, она попыталась спросить в прежнем звительном тоне, но вместо этого в её голосе явно прозвучала растерянность:

– И что может быть интересного в том, как я стираю или подаю еду?

– О, это очень занимательно. Ты всегда стираешь так, словно воюешь с врагом и с каждым ударом стремишься выколотить из него жизнь. Прямо-таки с остервенением.

– Правда? Никогда не замечала...

– А на стол подаёшь с таким видом, будто делаешь всем величайшее одолжение. У тебя всегда при этом прямая горделивая осанка и стальной взгляд, подобный клинку. Посетители не осмеливаются лишней раз шевелиться в твоём присутствии из опасения, что ты проткнёшь их своим взглядом, как муху булавкой.

– Не может быть, – недоверчиво сказала Эстела.

– Может. Просто ты за собой не замечаешь – думаешь всё время о чём-то своём. Знаешь, когда я наблюдаю за тобой в такие моменты, я представляю, как прекрасно ты смотрелась бы в бою: на коне, в кольчуге и с мечом в руке. Этакая бесстрашная дева-воительница, все враги от тебя бы в ужасе разбежались. В такой обстановке ты выглядела бы гораздо уместней, чем здесь. Тебя переполняет буйная энергия, а выплеснуть её тебе некуда.

– Предлагаешь мне пойти повоювать?

– Я ничего не предлагаю. Я просто восхищаюсь тобой.

Эстела окончательно растерялась.

– Но я же... я же грублю тебе постоянно!

– А с чего ты взяла, что я хочу постоянных поклонов и рабского подчинения? Мне всё это уже осточертело. Ты мне потому и нравишься, что высоко держишь голову и обращаешься со мной, как с равным себе. Рядом с тобой я чувствую себя человеком, а мне как раз этого и недостаёт.

– Чувствовать себя человеком?

– Да. Потому что тогда я перестаю ощущать себя одиноким.

– А ты одинок?

– Безмерно. Настолько, что иногда от тоски выть хочется. На самом деле, если честно, только поэтому я бегу из своей Долины сюда, в Эльдананд.

И такая при этих словах тоска была в его взгляде, что Эстелу остро кольнула в сердце жалость. Она с другой точки зрения посмотрела на происходящее и перестала от него бегать. Теперь они частенько сидели вечерами, когда Эстела освобождалась от работы, то на крыше конюшни, то на берегу речки и болтали обо всём на свете. Дракон столько всего знал и так увлекательно мог рассказывать, что Эстела, слушая его, забывала обо всём. Она даже забывала вредничать и вела себя как все юные девушки.

Сколько это продолжалось – неизвестно: Эстела совершенно потеряла счёт времени. Только в одно прекрасное утро вдруг с ужасом осознала, что влюбилась по уши. И в кого! Целый день провела в душевных метаниях, избегая его, и под вечер решила прекратить эти отношения во что бы то ни стало. Слишком далеко всё зашло – не следовало этого допускать. Это же чистое безумие! Она и... ОН.

Решительно направляясь вечером на берег речки, чтобы заставить его уехать, она с ужасом размышляла, как же её угораздило в него влюбиться. И пришла к выводу: это потому, что он не похож на других людей. Нет, в физическом плане он от людей ничем не отличается, по крайней мере, Эстела этого не заметила. Да и думает он, как люди. Но он всегда вёл себя с Эстелой не как все знакомые ей мужчины: не приставал, не раздевал взглядом, ничего не требовал от неё и никогда не оборачивался вслед каждой юбке. Эстела вообще не видела, чтобы он замечал какую-нибудь другую девушку. Ей, не привыкшей к мужскому вниманию, было так приятно, что хоть один мужчина из всех окружающих его женщин замечает только её. И какой мужчина! Ну, как тут было не влюбиться?

Эстела тяжело вздохнула. Она не представляла, как сможет с ним расстаться. Но их отношения ничем хорошим закончиться не могут. Кто он – и кто она? Разница огромная! Лучше расстаться сейчас, потом ещё больше будет. С этими думами она вышла на берег речки и остановилась. Он стоял впереди, к ней спиной, опустив голову – во всей его фигуре, в опущенных плечах ощущалась какая-то беспомощность, словно он не знал, что делать. Эстела почувствовала, что её решимость тает. Надо бежать, пока он её не заметил. Но было уже поздно. Почувствовав её присутствие, он резко обернулся и стремительно подошёл к ней. Его глаза заблестели.

– Эстела! Ты пришла, а я уже боялся, что ты решила меня бросить.

– Я... – начала было Эстела.

– Не бросай меня, прошу тебя! Ты мне так нужна! Ещё ни одна женщина за всю мою жизнь не завладевала моим сердцем и душой настолько, как ты. А моя жизнь была очень долгой.

– Но я... – сделала ещё одну попытку Эстела почти жалобно. Её решимость стремительно таяла под его сияющим взглядом.

И тут он сделал вещь, от которой все приготовленные слова моментально вылетели у неё из головы. Он поцеловал ей руки! Осторожно так взял в свои и легонько поцеловал обе. Ещё ни один мужчина не целовал ей рук! Словно она благородная дама, леди... Мысли у Эстелы вмиг разбежались – она стояла, растерянно глядя на него. А он взглянул ей в глаза и вдруг серьёзно спросил:

– Скажи, ты меня любишь? Хоть немножечко?

– Люблю... – прошептала Эстела, начисто забыв, что не собиралась ему этого говорить.

Он облегчённо вздохнул, словно с его души тяжесть сняли, и поцеловал её в губы. Эстела обречённо подумала, что сопротивляться ей совсем не хочется, а надо бы, если трезво подумать. Но трезво рассуждать она была уже не в состоянии. Ну, что она могла с собой поделать, если ей хотелось этого?! Хотелось больше всего на свете... И не было ничего удивительного в том, что через некоторое время они оказались в ближайшей рощице на траве в объятиях друг друга, разбросав одежду где-то по пути...

Проснулись они перед самым рассветом оттого, что замёрзли. Дракон взглянул на дрожащую Эстелу, обнял её и сказал:

– Давай, согрею.

Эстела, взяв себя в руки и снова начавшая трезво мыслить, сказала: «Нет!» – и попыталась вырваться.

– Успокойся, глупая! – воскликнул он, удерживая её. – Не трону я тебя, если ты не захочешь! Я же магией предложил согреться! А ты о чём подумала?

Эстела затихла и перестала вырваться. Он закрыл глаза, и вокруг них воздух стал стремительно теплеть, пока не стало почти жарко. И сам он стал очень тёплым. Эстела начала отогреваться и расслабляться. И тут он вдруг спросил:

– Почему ты сбежать хотела? Даже если бы я и по-другому предложил согреться, ведь всё уже случилось – чего теперь бояться-то? Или ты уже жалеешь о том, что произошло?

– Не следовало этого допускать, – глухо сказала Эстела. – Я пришла вчера, чтобы сказать, что нам нужно расстаться, а в итоге... я потеряла голову.

– Что-то я не пойму: ты меня любишь?

– Да! – с досадой сказала Эстела.

– Тогда почему...

– Потому что не выйдет из этого ничего хорошего! Я человек! А ты... Дракон. У нас разные пути и разные судьбы. Не может у нас быть ничего общего!

– Разве? – его глаза странно потемнели и стали какими-то отрешёнными.

Эстела испугалась неизвестно чего и заторопилась всё высказать:

– Мы принадлежим к разным расам. Наша любовь – это безумие! Мы слишком сильно отличаемся. Я – человек, моя жизнь коротка: мелькнёт, как вспышка, и погаснет. А ты – дракон, ты будешь жить ещё долго. Уже через каких-то сорок лет я стану старой и некрасивой, а ты останешься всё таким же молодым. И что тогда? Нет, я не хочу этого! Нам нужно расстаться. Будет больно, но так будет легче нам обоим. Уходи!

– Значит, ты всё уже для себя решила? – как-то обречённо спросил он.

– Да!

– Но ты кое в чём ошиблась и кое-чего не учла...

– Я не хочу ничего знать! Уходи!

– Боишься, что это поколеблет твою решимость? Но я всё же скажу. Ошиблась ты в том, когда причислила меня к другой расе. Моей расы не существует. В принципе. Я – один во всём белом свете. И если я не могу никаким боком причислить себя к людям, тогда я вечно буду одинок. Ты этого хочешь? Обречь меня на беспросветное одиночество именно теперь, когда я поверил, что, наконец, от него избавился?

– Не дави на жалость, – хмуро сказала Эстела, изо всех сил стараясь не поддаваться.

– Ладно, – его глаза ещё больше потемнели и стали похожи на предгрозовое небо. Эстела поёжилась под его взглядом, а он нарочито спокойно добавил:

– А не учла ты нашего ребёнка.

– Какого ребёнка?! – опешила Эстела. – Мы же были... вот только что... несколько часов назад... даже если и так, то определить это ещё невозможно. Как ты можешь это знать?!

– Да вот знаю. Маг я или кто?

Эстела ошеломлённо смотрела на него. Потом начала нервно ходить туда-сюда, ёжась от дуновений холодного утреннего воздуха по обнажённой коже и напряжённо раздумывая. Остановилась. Посмотрела на него и сказала:

– Даже если и так, это ничего не меняет. Ребёнку в любом случае нужна нормальная жизнь, как у всех: дом и друзья, шалости и игры, большие шумные праздники и так далее... Ты не можешь всего этого ему дать.

– Ты в этом так уверена? А ты не допускаешь мысли, что такая же жизнь нужна и мне самому? Что я тоже хочу жить, как все?

– Что за чушь? Ты не можешь жить, как все. Ты – не такой, как все! Ты – не человек!

Дракон печально посмотрел на неё.

– Я больше человек, чем ты думаешь, Эстела. И я имею на этого ребёнка столько же прав, как и ты. Это мой ребёнок.

– Я не позволю тебе его у меня отнять!

– Я и не собирался этого делать. Как же плохо ты меня знаешь. Но уходить из его жизни я не собираюсь.

– Я запрещаю тебе говорить ему, что ты его отец! Не лишай его покоя! Пусть он живёт обычной жизнью, как все дети.

– Ты не можешь мне запретить. Ты можешь изгнать меня из своей жизни, но не из его.

– А я тебе запрещаю! Не смей вмешиваться в его жизнь, иначе я тебя возненавижу!

Он молча развернулся и пошёл прочь, не желая продолжать этот бессмысленный спор.

– Слышишь? Не смей!

Он остановился. Обернулся. Долго смотрел на неё. В его глазах мелькали тени непонятных эмоций. Наконец, печально сказал:

– Если будешь несчастна, вспомни – это ты меня бросила, а не я тебя. Я просто тебя любил. И не пеняй на судьбу: судьба давала тебе в руки счастье, а ты, испугавшись трудностей, выкинула его и растоптала. Прощай.

Он развернулся и вдруг начал стремительно превращаться. Это зрелище не было отвратительным. Его окутала лёгкая, светящаяся зелёным дымка, контуры тела поплыли, и он стал стремительно увеличиваться в размерах. Не намного. Всего раза в три побольше человека. В высоту. И ещё столько же в ширину. Потом дымка исчезла, и в первых лучах встающего солнца во всей красе предстал Золотой Дракон – такой яркий и красивый, что у Эстелы дух захватило. Он повернул голову на длинной шее и в последний раз взглянул на стоящую обнажённую девушку, словно стремясь запечатлеть её в памяти. Взглянул такими знакомыми до боли зелёными глазами, умными и печальными. Потом отвернулся, взмахнул крыльями и взмыл в воздух. Порывом ветра Эстелу чуть не сдуло. Она удержалась за куст и, когда ветер утих, взглянула на небо. Дракон стремительно набирал высоту и улетал в сторону гор. Несколько секунд Эстела могла любоваться потрясающим зрелищем летящего дракона, потом он стал почти не виден, только золотистая искорка на востоке в лучах солнца. «А ведь могла бы сейчас лететь на его спине навстречу солнцу и наслаждаться видом с высоты и свежим ветром в лицо», – как-то отрешённо подумала она с щемящей тоской

в сердце. Потом поёжилась от холода и вспомнила, что ещё не одета. Во время их спора она совсем забыла об этом. И опять замёрзла. «А в его объятиях было так тепло...» – она с трудом отогнала эту мысль от себя и пошла искать своё платье. К тому времени, когда полностью оделась, она заставила себя не думать о нём и не сомневаться в своём решении. Но тяжёлый осадок в душе остался...

Надежда ДВОРЦОВА

Ангел

По вечерним улицам города, взявшись под ручку, шли двое. Жара и суета постепенно отступали, прохожих и машин на улицах становилось всё меньше. Скоро зажгут фонари, и город станет совсем другим, задумчивым, прохладным и немного сонным. Скорей бы уж, а то руки в месте соединения вспотели, а убрать – не для того Жека завоёвывал эту привилегию, чтобы так бездарно сдать. Успех следовало развивать.

– Ты самая классная девчонка, правда, настоящий ангел! Я таких ещё никогда не встречал! – разливался он соловьём.

– Ага, и вечер сегодня особенный, судьбоносный, – мотнула короткой стрижкой Вика, всё-таки забрав руку, – и снюсь я тебе постоянно! Эй, ты не забыл, что мы только сегодня познакомились?

– Почти забыл. Но это не важно, это пустяки, у меня ещё обширная программа на сегодняшний вечер! Сейчас, например, мы движемся к кафе. Хочешь чего-нибудь холоденького?

– Давай! – взяв по бутылке газировки, они уселись за столик. Музыка в этой кафешке почему-то не было, они помолчали, слушая затихающий город.

– Нет, ты можешь мне не верить... – снова завёл Жека.

– А чему тут верить? Ведь ты мне пока ничего не сказал, – немедленно отозвалась она, – кроме глупостей, которые парни обязательно говорят девчонкам.

Она сидела, откинувшись на стуле, и, дерзко улыбаясь, глядела ему в глаза. Тонкие пальцы барабанили коготками по столику. Ах, ну до чего же хороша бестия, аж язык немеет! Всё-таки нельзя красивым девушкам быть ещё и умными! Неправильно это! Ладно, рыбка, есть у меня кое-что для таких вот умных в запасе!

– Вик, я не знаю... я хотел бы тебе сказать кое-что... – она заинтересованно наклонила головку. – Ну, знаешь, это всё очень серьёзно, без приколов... только за психа не держи, ладно?

– Если начал – говори, не тяни, пока на психа ты не похож! Я слушаю, слушаю! – девушка подалась к нему, пытаясь поймать Жекин взгляд.

– Да-а-а, говори... не так это просто – взять и сказать... – опустив голову, бурчал он в пол. Она молча, напряжённо ждала, слегка покачивая гладкой загорелой ногой. И от этого покачивания мысли разбежались, как

стайка тараканов. Неужели он не сможет, и такая лапушка уйдёт? Нет уж! Шумно сглотнув, Женя начал рассказ.

– Понимаешь, парень я, в общем, крепкий, и на голову тоже.

– Оно и видно, даже немножко чересчур крепкий! – приснула Вика в кулачок.

– Ну и всё, не буду рассказывать! – притворно надулся он.

– Да ладно тебе... ну, Женя... Женчик... не буду, не буду, давай дальше! – и она накрыла его руку ладонью. Чёрт, ну почему нельзя ей сразу сказать, открытым текстом! Обидится, уйдёт ведь. Типа неприлично. А какая разница, как начинать, если финал один? Наверно, для них есть разница. Ладно, играем по их правилам, всё будет прилично.

– Ладно, – повернул к ней лицо и проникновенно уставился в глаза, – только ты меня трусом не считай, пожалуйста, тут кто угодно испугается, честное слово!

Вика мимолётно улыбнулась – психом, трусом, тупым, а весь список сразу огласить слабо? Но вслух не стала – уговаривай его потом начать рассказ снова.

– Я... Вика, мне очень нужно, чтобы сегодня ночью со мной кто-то был. Родной, такой, как ты. А таких, как ты, больше нет, ну вот и... – глаза девушки зло прищурились, она начала вставать.

– Да что ты, Вика, ты меня не так поняла! – он торопливо схватил её руку, растерянно и жалко глядя в глаза, молча потянул обратно. Она медленно села.

– Я пропаду без тебя, умру сегодня ночью! Побудь со мной, сколько сможешь, хоть тут в кафешке посиди, ну, пожалуйста! – с надрывом произнёс Жека и робко глянул на девушку.

– Как это – умрёшь?

– Как – не знаю. Но когда – мне известно точно. – Жека грустно свесил голову. – Ты не думай...

– Что, псих? Ладно, не буду! Говори, что там с тобой стряслось! А то у меня есть хороший друг – доктор, может сразу к нему?

– Да сказал же я тебе, что здоров! – с досадой пробормотал он. – Только мне срок вышел, поняла?

– Нет.

– Ну, жизнь моя сегодня к утру должна закончиться.

Глаза Вики заблестели, она уже не отнимала своей ладонь, превратившись в слух.

– Как-то ночью... сплю, значит... а уже как будто и не сплю. И вдруг оборачивается ко мне от окна спальни страшная такая фигура в чёрном, как будто мужик, накачанный такой, и говорит: – Готовься, Жека, твой срок через пять дней. Готовься. А чтоб не забыл – вот тебе мой знак. Чтоб поверил и готов был. Ангел смерти он, что ли... красивый мужик, только страшный... сказал – и исчез. Ох, Вика-Викуля, как умирать не охота! И пожил-то всего ничего. Я искупить попытался, всю стипендию в храм

отдал, конспекты друзьям раздал, а что ещё сделать – и не знаю, четвёртую ночь не сплю. Но вот чувствует моё сердце – рядом с живым человеком не тронут, не посмеют. Выручи меня, а? Я точно знаю, у тебя получится, ты такая... – глаза парня с лихорадочным блеском уставились на Вика.

Девушка оторопела от этого жалкого напора. Взрослый, плечистый детина, и выставить себя таким жалким перед малознакомой девушкой?

– Дурень! Это тебе приснилось всё. Ну, или в полусне примерещилось! Выспишься сегодня – и всё пройдёт!

– А вот это мне тоже мерещится? Тоже пройдёт? – и он протянул запястье, на котором явственно чернела цифра 5. Она молча погладила его руку, заглянула в глаза.

– Ну, я попробую... а может, всё-таки к приятелю поедем? Он как раз сегодня дежурит. Если вдруг сердце прихватит, или ещё как...

– Нет уж, давай сюда не будем никого вмешивать. Ведь это же я только тебе... Я знал, что ты меня поймёшь и поверишь! Я тебе на всю жизнь благодарен! – и он уткнулся лицом в её ладонь. – Нам сегодня долго не спать придётся, может, кофе раздобудем?

– Да где же ты его среди ночи возьмёшь?

– Вик, только ты опять не обижайся, а? Я тут живу недалеко... – и снова растерянный, просящий взгляд.

– Ладно уж, пошли тебя спасать! – гибко потянулась девушка.

Поднимаясь к квартире, Жека хозяйственно прикидывал: так, шампанское и конфеты в холодильнике, там же как будто случайная баночка икры, колбаска – сырок... Вечерок обещает закончиться просто великолепно. Вот так и нужно маленькие минусы оборачивать в большие плюсы. Четыре года назад они с Коляном, ещё совсем пацаны, посмотрели передачу про татуировки. Ну, захотелось попробовать, и выкололи друг другу по пятёрочке. Тайный смысл этой глупости был таким «вся жизнь – только на пять баллов!» Ну вот, приговора нет от времени... с другим смыслом, конечно, усмехнулся он про себя.

Включив воду, Вика присела на холодный край ванной и печально улыбнулась. Красивый и страшный качок, ну надо же... Дождался-дозвался всё-таки своего ангела смерти, дурачок. А парнишку-то жалко забирать, обаятельный, гад. Как смотрел, паршивец, как в глазки заглядывал. Талант, великий актёр пропадает. Только песенка всегда одна и та же, воображения нет ни черта. Ладно, дать ему ещё немного, что ли...

Она глубоко вздохнула и вышла из ванной. Ну вот, на столе – не кофе, а натюрморт соблазителя, и рожа у парня соответственная. Она нехорошо усмехнулась в ответ на его улыбку, и вдруг её лицо потекло, превращаясь в мужское, плечи раздались, а одежда почернела. Жека уставился, онемев от страха. А неведомое существо схватило его за руку, вывернув кисть, и заговорило утробным басом:

– Пятнадцать обманутых девиц, потом две депрессии, одно самоубийство и четыре аборта. Не много? А один из нерождённых был бы

великим физиком! Ты что себе позволяешь? Думаешь, если девушка тебя пожалела – ты можешь делать с ней всё, что угодно? А девушки тебе доверялись, жизнью рисковать готовились. Со смертным страхом за тебя воевать! Ты свою меру подлости уже преступил, с этих пор – только чистые отношения, без похоти и вранья, понял? А чтоб не забыл – вот тебе мой знак! – и, громыхнув чем-то напоследок, страшная фигура исчезла.

Жека, севший во время беседы мимо стула, так и сидел, тупо глядя на кисть, на которой больше не было татуировки.

Дарья ОРШАНСКАЯ

Тропинка в лесу

Я сидел на вершине, вдыхая запахи несущихся вдаль ветров. Одни из них пахли морем, другие – солнцем, третьи – снегом.

Солнце светило прямо в затылок. Несмотря на то, что оно было очень ярким, оно не жгло кожу.

Высота... Да, давление здесь должно быть ниже. И воздуха меньше. Но, с другой стороны, тогда потеряется безудержная красота происходящего?..

Чуть-чуть изменить давление... Самую малость, так, чтобы становилось чуть трудно дышать – как после бега. Или...

Так, а что ещё? Облака, плывущие под ногами. Ничего, красиво. Но лучше, если сквозь них хоть иногда проглядывали бы очертания того, что осталось внизу, на земле...

Само же горное плато выполнено безупречно. Не широкое, но и не узкое. Здесь удобно сидеть и смотреть вдаль, в яркое голубое небо, и думать о чём-то...

– Выход, – приказал я. В ту же секунду мелькнула темнота – привычный признак виртуальности – и я увидел свой кабинет.

За столом сидел Крреррор, надо мной склонялась Мия.

– Ну как? – с волнением спросил Крреррор. Понимаю его, это его первая работа.

– Очень даже ничего, – честно ответил я. – Измени чуть давление – там должно не так легко дышаться, но, в то же время, и не тяжело. Сквозь облака должна быть видна земля. И солнце... должно хоть немного согреть. Вот, пожалуй, и всё. Молодец.

Крреррор расплылся в улыбке. Мия тем временем осторожно отключала меня от усилителя ощущений. Обычный виртуальный вход осуществляется с помощью шлема, но здесь всё по-другому. Нужно иметь возможность проверить всё и полностью.

Только теперь я заметил, что в комнате был ещё кто-то. Молоденькая девушка – лет пятнадцать, только-только из училища. Фиолетовые глаза, короткая стрижка... Я сморщился, вспоминая, как её зовут. Ирис, точно. Действительно. Красивое, между прочим, имя...

– Здравствуй, Ирис, – сказал я. Девушка подняла на меня глаза. В них не было выражения. – А у тебя как дела с твоей работой?

– Хорошо, – тихо сказала она. В её глазах появился хоть какой-то проблеск заинтересованности. – Мне осталось совсем чуть-чуть.

И всё. Ни намёка на то, что нам предстоит увидеть. Крреррор же про свою работу всем уши прожужжал...

– Замечательно, – улыбнулся я. – Ну что, на сегодня вы все свободны, и вы, Мия, тоже. Увидимся завтра. Ирис, я жду твою работу к концу этой недели.

Девушка кивнула и ушла первой. Сияющий Крреррор – следом.

– Странная она какая-то, – сказал я Мие, когда мы вместе выходили из кабинета. – Ну, эта девушка по имени Ирис.

– Не то слово, – фыркнула Мия. Эффектная женщина с копной густых, выкрашенных в пять цветов волос. В свои сорок она выглядела на двадцать пять. – Да она просто немножко чокнутая, понимаете? – я удивлённо качнул головой. – Ну, я имею в виду эту её странность. Помните нашу галерею в летнем саду? – Я кивнул. – Ну вот. Все висящие там картины – это реально существующие когда-либо на Земле или других планетах места. В основном, конечно, там пейзажи с Земли и с Луны... Так вот, она взяла за привычку каждый день сидеть у одной из картин и молча смотреть на неё. Она там сидит часами – буквально до закрытия здания. Могу поспорить, и сейчас туда же отправилась.

– Ну, может быть, она просто любит искусство, – попробовал зачем-то оправдать девушку я.

Мия тряхнула головой.

– Ну не до такой же степени, в самом деле! Не смешите меня, профессор. Ладно, мне пора. До завтра.

Я кивнул, расплывшись при этом в улыбке. Профессором я стал месяц назад и всё никак не мог нарадоваться. Сотрудники меня часто подкалывали этим. Но в этот раз слово «профессор» было произнесено с явной, пускай и неосознанной, долей уважения...

Посмотрев на радиобраслет, я понял, что пора идти – ведь я хотел забежать по дороге к своей официальной девушке, Ламирии. Мы вместе собирались отправиться на карнавал, который проходит в нашем городе последний день...

Незаметно для себя я выбрал именно ту дорогу, что вела через сад и картинную галерею. Собственно, эти снимки только называются картинами. На самом же деле это голографические снимки, просто непрозрачные. Искусство живописи исчезло давным-давно, ещё вместе с нашей матушкой-Землёй. Неудивительно, что человечество, которому вечно не хватает места, живёт большей частью на таких вот больших кораблях, как наша колония. Приятно иногда осознавать, что ты живёшь на таком кораблике, плывущем сквозь космос... Бывает, конечно, накатывает ностальгия по земле обетованной, то есть хочется своими ногами ступить на поверхность какой-либо планеты, но... как

правило, такие мысли быстро проходят. Лично мне хватает и моей родной базы...

Задумавшись, я размашисто зашагал вдоль вывешенных на стенах картин. Я уже почти подошёл к двери, как вдруг увидел фигурку девушки, забравшуюся с ногами на стул и пристально вглядывающуюся в какое-то из изображений...

– Ирис?

Девушка обернулась и впилась в меня глазами, явно не узнавая. Но через пару секунд кивнула и сказала:

– Здравствуйте.

А я молча наблюдал за тем, как, ставшие было живыми, глаза при взгляде на меня вновь становятся бездушными и безмолвными...

Я подошёл ближе.

– А я подумал, что Мия пошутила, – сказал я. – Ты и впрямь здесь часто сидишь?

Ирис кивнула.

– Всё свободное время, – сказала она.

Я сделал ещё пару шагов и, наконец, взглянул на картину.

На ней был лес.

Высокие голоствольные сосны устремлялись куда-то вдаль. Тут и там виднелись нечастые хитросплетения кустарников. В двух-трёх местах из земли пробивались маленькие пушистые ёлочки.

Между деревьями вилась тропинка. Узкая, толщиной в две ладони. Она вела куда-то вдаль – туда, откуда светило закатными лучиками солнце и где виднелся чистый блеск речной воды...

– Красиво, – сказал я. И снова посмотрел на Ирис.

Та молчала. Она, не отрываясь, смотрела на картину. Она не просто восхищалась. Она *жила* ею.

Я положил руку на плечо девушки. Та вздрогнула и обратила растерянный взгляд на меня.

– Ты была когда-нибудь на планетах? Марсе, Эдеме, Гере? Или хотя бы на Луне, Фортуне, Пенелопе?

Она отрицательно качнула головой. В глазах её по-прежнему было непонимание.

– Это пройдёт, – сказал я. – Обязательно пройдёт, как только ты побываешь на одной из планет. Пробыв там всего лишь день, ты пресыщаешься ею.

Она мотнула головой и снова впилась взглядом в картину.

Я вздохнул. Таких людей называют «терранавтами». Терра – старинное название Земли. И такие люди – это те, кто жить не может без синего неба и зелёной травы. Их уже не исправить. Психологи всех планет и станций бьются над этой загадкой уже много лет, но безуспешно. Такие люди живут – пока хватает сил работать, а потом тихо гаснут. Многие из них совершают самоубийство.

Это нельзя вылечить. Ей нельзя помочь.

Поэтому я просто встал и отправился туда, куда и собирался – к своей подруге. Нас в ту ночь звал всеми своими красками карнавал...

Неделю спустя я шёл по коридору – и вновь свернул в сад. Ирис сидела на прежнем месте и всё так же смотрела на картину. Она даже протянула руку, хотя и не дотронулась до изображения, – она словно пыталась погладить мягкие иголки молодых елей, почувствовать под пальцами шершавую поверхность коры сосен... Я качнул головой и ускорил шаги. Я опаздывал в отдел.

В тот день я должен был просмотреть проект Ирис. Но до этого у меня была ещё куча дел. Наконец настало время её прихода. Но девушка не появлялась...

– Прейя, – позвал я. Призрачное существо, осуществляющее коммуникацию между отделами, появилось тут же. – Разущи мне Ирис и напомни ей о проекте.

Прейя засиял, подтверждая, что ему понятен наказ, и исчез. Сейчас он появится на рабочем месте Ирис, а если вдруг её там нет, то тогда разыщет за полминуты по генетическому коду...

Раздался колкий писк. Прейя висел передо мной в воздухе. Он был мерцающее-синего цвета, что означало, что поиски его не увенчались успехом. Я нахмурился.

– Прейя, экран базы мне. Срочно.

Чтобы Прейя не нашёл кого-то в пределах нашего сектора – такого ещё не бывало. Тем более что утром девушка была внизу, в летнем саду...

Я задал общебазовый поиск Ирис с привлечением служб бедствия, если её не найдут. Девушка могла сделать с собой всё, что угодно. На то она и «терранавт»...

Спустя полчаса я сидел и хмуро выпивал одну чашку протеинового кофе за другой. Общебазовый поиск ничего не дал. Не было девушки и в моргах. Не появлялась она нигде – ни у люка (это на случай, если бы она решила выйти без скафандра в космос), ни в крематории.

– Ну не может быть такого, не может быть! – выкрикнула, не сдержавшись, Мия. – Она не могла просто так взять и исчезнуть!

Я отхлебнул глоток кофе.

– Могла. Скорее всего, она...

– Она нашла новый способ самоубийства, так, что ли? – фыркнула Мия. И, подняв на меня глаза, вдруг признала:

– А ведь другого объяснения и нет...

– Какой жуткий день! – с этими словами я, не выдержав, надел пиджак и поднялся с места. Увидев удивлённый взгляд Мии, я пояснил:

– Не могу больше здесь. На остаток сегодняшнего дня беру отгул. Увидимся завтра, хорошо?

Прощавшись с Мией, я спустился по лестнице. Куда теперь, направо, через сад, или налево, через стол вахтёра? Лучше через сад...

Я почему-то очень хотел вернуться на то место, где видел Ирис в последний раз.

Вот он, её стул. Но на нём что-то лежит...

Присмотревшись, я увидел виртуальную карту, ви-карту в просторечии. А подняв её, обнаружил выцарапанные на наклейке слова:

«Простите, профессор, я больше не могу здесь жить. Посмотрите мою работу – и может быть, вы поймёте меня. Прощайте. Ирис».

Я оторопело смотрел на ви-карту. Значит, всё-таки самоубийство? Значит, всё-таки...

Я бросил взгляд на картину. Отвернулся. Потом повернулся и присмотрелся уже внимательней...

На дорожке, вьющейся между деревьев, виднелись явные следы чьих-то босых ног. Я мог поклясться, что их раньше не было...

Но самое главное – у одной из сосен лежали брошенные впопыхах ботинки на гравитационной подошве. Они были созданы специально для того, чтобы ходить по обшивке корабля, если тот вдруг разгерметизируется.

На Земле в таких не ходили...

Я облизнул пересохшие губы. Так не бывает! Не бывает!!

Но так было.

И опустил взгляд на ви-карту, которую судорожно сжимал в руке. Я почему-то точно знал, что там было.

Там был лес. Запах хвои. Солнце. Река. И смех девушки по имени Ирис...

Олеся ЛОГУНОВА

Один день из жизни старого лешего

Жители Дремучего-Дремучего Леса искренне считали, что их родное, заросшее вековыми дубами место жительство и есть весь белый (ну не совсем белый) свет. Обиталище местного лешего Митроши (так его когда-то ласково называла мама) находилось возле болота. Болото было большое, что находилось за ним – никто не знал, да и не стремился знать. Местная «легенда» гласила, что там, где кончается болото, кончается и сам Дремучий Лес, там начинается конец света. Это «конец света» производилось всегда таинственным шепотом.

Как-то само собой получилось, что берлога старого лешего считалась местом «на краю света», то есть местом мистическим и полным самых необыкновенных тайн. Сам Митроша ничего таинственного и загадочного здесь не видел.

Вообще-то жители Дремучего-Дремучего Леса жили тихо и мирно. Почти никогда ничего не происходило в этих местах. Митроша уже был пенсионного возраста, а потому, как и полагается в данном возрасте, предпочитал тихую и спокойную жизнь. Давно минули годы, когда Митроша, будучи молодым и, кстати, весьма красивым по лешачьим меркам

парнем, проделывал такое, от чего молодки лешачихи просто сходили с ума. Были тогда и романтические вечера с цветами и стихами, были и «тихие» посиделки с друзьями, после которых Митроша ничего не помнил, но почему-то деревья были повыкорчеваны, болота наполовину осушены, а симпатичные кикиморы при виде лешего странно краснели и прятались.

Сейчас всё было по-другому: Митроша подолгу спал, потом, степенно позавтракав свежей гнилушкой с болотной водицей, уходил осматривать свои владения. После прогулки впору было отдохнуть, и старый леший сидел на сплетённых корнях старого дуба и, задумчиво попыхивая самокруточкой, смотрел на болото, стрекоз, лениво перелетавших с камыша на камыш, на комаров, только что позавтракавших его же кровушкой, и вспоминал о прошлом житье-бытье.

Да, давненько он уже не видел старых друзей: сосед Лукерий как-то тоже незаметно состарился и осел в берлоге за многие вёрсты со своей лешачихой (Митроше семьи бог не дал), Ёкарный Бабай вообще мигрировал, по словам щебетух, за границу Леса. В это Митроша не верил. Нет ведь ничего за границей леса. Это любому лешачонку понятно. Там более ему, он ведь живет на границе, и видит – нет ничего, значит, и жить негде. Но щебетухи – они такие: упрямые, их не переспоришь, тем более всех сразу.

Так и жил старый леший Митроша. Так бы он жил и дальше, если бы не набрёл на его жилище человек. Самый настоящий. Если б Митроша его не видел, ни за что бы не поверил. Ведь в сказки он не верил с детства. Когда-то бабка рассказывала ему о встрече с существом из-за пределов Леса – «человеком»; мол, странное такое существо – с двумя головами, причём одну он может снять, а другую – нет, а ещё может снять свою собственную шкуру... Но бабка его тогда уже была шестисотлетней старухой и совершенно выжила из ума.

Человек прыгал с кочки на кочку. Было видно, что он устал, но продолжал прыгать... Настырный... Комары радостной стаей накинулись на него, и толстые, счастливые, отсвечивая красноватыми брюшками, отваливались, освобождая место для товарищей. Глядя на это пиршество, старый леший сделал вывод, что кровь у человека такая же, как и у него – горячая и красная. Комары они ведь такие – что попало жрать не станут, особенно местные гурманы.

Человек наконец достиг берега болота, и присел отдышаться. Митроша потихоньку присел рядом.

– Курить будешь?

Человек замер. Потом он стал медленно поворачиваться, глаза его становились всё больше и больше, потом также медленно открылся рот, и человек издал такой звук, какой Митроша слышал только от Ёкарного Бабая, когда тот во время очередного кутежа пугал местных кикимор. Когда человек перестал орать, леший снова поинтересовался:

– Так будешь или нет?

Человек долго смотрел на Митрошу, Митроша смотрел на него.

– Ну?

– Ты кто? – сумел выдавить из себя человек.

– Да уж не кто-нибудь – хозяин местный. А ты кто? Я тебе подобных в наших краях не видывал. Бабка, правда, что-то такое рассказывала о людях, да не в себе она была, бабка-то моя... Ты человек?

– Ага. А ты – леший? Я думал – вы только в сказках бываете, мне тоже про тебя бабка рассказывала.

– Ух ты. И что она рассказывала?

– Ну, что-то с трудом припоминаю... Что ты здесь хозяин..

– Это да

– ...И что людей ты путаешь, если они в лес приходят, всё дальше вглубь заводишь, следы путаешь...

– Тоже мне, забава – следы путать. Да я людей за свою жизнь не видал ни разу, всю жизнь считал, что это сказки...

– Я вот тоже тебя сказкой считал, а оно гляди, как вышло...

– А правда, что у тебя две головы и одну ты снимаешь?

– А ты сколько голов видишь?

– Пока одну.

– Второй, к сожалению, нет... а пригодилась бы, глядишь, умнее был бы.

Человек задумался. Леший тоже. Вот оно как в жизни бывает. Живёшь себе, живёшь и вдруг – опа! – права оказывается выжившая из ума старуха...

– А имя-то у тебя какое?

– Иваном меня зовут. А тебя?

– Матушка Митрошей назвала.

– Хорошее имя.

– Чем это хорошее?

– Уютное такое...

«Во как, – подумалось Митроше, – у-ю-ю-тное. Никогда не знал раньше...»

– А ты откель в наших местах? В Дремучем Лесу я людей отродясь не встречал.

– Я-то? Из деревни соседней...

– Из чего?

– Да из деревни я, из Лопушков, это вот за полем.

– За каким таким полем, – не понял Митроша.

– За тем полем, которое за лесом.

Тут Митрошу осенило.

– А... это как там... пойдти туда, не знаю куда... типа такого чего-то?

– Да ты что же из лесу ни разу не выходил, что ли?

– А куда там выходить-то? Там же нет ничего... Я ж на самом краю Дремучего Леса живу, а дальше-то всё... конец света... Эж чего придумал, шутник.

– Да какой конец света? За болотом ещё лес, потом поле, потом деревня моя, за ней река, с другой стороны дорога. В город...

– Стой, стой, стой, совсем старика с толку сбил...

– Слухай, ты чего же, правда, никуда отсюда не выходил за всю жизнь? – Иван был в растерянности.

– Да вот... как-то... Да и вообще, я же леший, мне в лесу жить положено, вот и живу, и все предки мои тут жили, и друзья, и... и... и... вообще...

Дальше разговор не заклеился. Иван достал сигарету, Митроша свернул новую самокрутку, новые знакомые тихонько курили.

– Слушай, а пойдём ко мне в гости!

– Куда?

– Да ко мне. Тебя жена пирогами угостит. Да хоть окрестности посмотришь! Ты ж не видал ничего! А то с людьми познакомишься. Их в деревне много.

Митроша испугался. Как это он бросит своё хозяйство, берлогу, болото да пойдёт с этим незнакомым ЧЕЛОВЕКОМ (которого вообще в природе существовать-то не должно) неизвестно куда, за край Леса, туда, где ничего нет? Да и зачем?

«А может прав он, этот Иван? Вдруг есть там чего? Поле какое-то... Лопушки... – Митроша снова свернул самокрутку, хотел было затянуться. – Да чего ж мне терять-то? Берлогу эту, болото?»

– А была не была, Иван, веди меня в свою деревню!

За болотом лес начинал редеть. Вместо столетних дубов стали появляться другие деревья – тонкие, белые. Иван объяснил, что это берёзы. Да и трава была здесь не такая, как в Дремучем Лесу – зелёная, яркая, мягкая... Один раз набрали они на полянку, а там ягода... Митроша никогда не видел, чтобы ягода на земле росла, а не на мхе болотном. И та была кислая, а эта сладкая да ароматная. И всё-таки как-то неуютно чувствовал себя Митроша в этом светлом лесу. А где же жить-то, если нет сплетённых корней? Да и не спрячешься здесь, ежели что... Да и вообще чувствовал леший себя особенно старым среди этой молодой буйной зелени и света...

...Лес кончился как-то совсем уж внезапно. Митроша увидел поле и понял – конец света всё-таки существует. Врал Иван. Как ещё назвать это пустое пространство? Здесь же всё видно и нет ничего, только дым вдали. Митроша запаниковал.

– Ты извини, Иван, ты уже иди в свои Лопушки, на реку, на дорогу, а я уж как-нибудь сам доберусь... я... это... домой, мне пора, там, знаешь, лягушки не кормленные, да и стрекозы там...

– Ты испугался что ль?

– Я-то? Да не-е... просто дела у меня, дела...

– Ну что ж, дела так дела, – Иван вздохнул, – давай уж посидим здесь немного.

Они немного посидели. Митроша немного успокоился. Они снова закурили.

Как и всякий день, этот стал сменяться вечером. С наступлением сумерек Митроша почувствовал себя значительно лучше.

А потом... он увидел такое... от чего у него закружилась голова! Всё небо, всё пространство окрасилось в красный цвет! Красное было повсюду: на небе, на поле... а особенно красивым было там, впереди. Оно переливалось, меняло оттенки, заставляя всё вокруг сиять и переливаться. Красный переходил в оранжевый, потом в бордовый, потом... а что там говорить!..

Это потом Митроша узнал, что это был закат, что восход не менее прекрасен, что ночью на небе есть звёзды, а в мире живут люди, домовые, да и много кто...

А сейчас он видел чудо, и старый леший понял, что хочет жить за краем Леса, за краем Света, да хоть у чёрта на куличках, если там есть эта красота!

– Ну, Иван, веди меня в свои Лопушки, подождут мои лягушки.

Самый сладкий сон

Вообще-то Кракозяврики способны жить везде – на море, на суше, в горах, на деревьях, в норах... Где уснул – там и дом.

Но вот этот почему-то решил устроиться именно в кармане моих штанов. И, главное, карман-то не то, чтобы самый большой... Но, говорит, что уютно.

Я первое время напрягался, а потом решил: бог с ним, нехай живёт...

Беспокойства особого он не доставлял. Вот только есть он любил рано утром, при этом отвратительно и громко чавкая. Что уж он там ел – непонятно. Я вообще не знаю, чем эти существа питаются. Этот говорит, что питается моими снами. Неужели поедая сны, возможно так чавкать?

Зато он здорово развлекал меня своими байками. Ну, например, он утверждал, что лично знаком с Бабой-ягой и никакая нога у неё не костяная, а очень даже цельнометаллическая. Или рассказывал об утренних играх русалок. Эти завлекательницы по утрам собирали росу с кувшинок, а потом брызгали её на стрекоз. От этого стрекозы становились златокрылыми бабочками, которые приносят людям мечты.

Разумеется, я не собирался во всё это верить. Я же твёрдо знаю, что никакой Бабы-яги не существует, да и русалки, если и жили когда-то, то должны, нет, просто обязаны вымереть при нынешней экологии. Но Кракозяврик обижался.

– Как это – вымереть? Да они, знаешь, и не такое переживали, подумаешь, экологией запугали! Да мы все жили ещё при парниковом эффекте, да мы ещё всех вас, людей, переживём, и экологию эту вашу тоже переживём. Нам всем знаешь сколько лет? Знаешь? Нет? Вот и я не знаю.

– Конечно, не знаешь, ты же считать не умеешь.

Кракозяврик окончательно обижался, а у меня становилось паршиво на душе. Ну, вот опять, мол, зачем обидел? А может, и правда существуют все эти русалки, бабы-яги, лешие... Кракозяврики же существуют. Хотя скажи я кому об этом, меня бы, в лучшем случае, на смех подняли.

А однажды он познакомил меня с домовым. Причём с моим же собственным. Ну, скажите на милость, откуда я мог знать, что у меня под кроватью живёт очень даже симпатичный старичок? И что этот старичок очень любит чай с вареньем и давно обижается на меня, что я его этим вышеуказанным лакомством не угощаю? А слабо было как следует представиться сразу: вот, мол, я твой домовый, живу здесь, хочу есть. А то, видите ли, не принято у них так... А я сам догадываться должен... Ну, в общем, дулся он на меня этак минут десять, потом я ему этого самого чая принёс с вареньем сливовым, и домовой оттаял. Мы с ним с тех пор дружим крепко. Правда, в гости он больше не ходит, хотя куда ходить, и так под кроватью живёт, только невидимо как-то. Зато чай с вареньем я ему всегда под кровать ставлю. Так что чавкают мои соседи теперь вдвоём. А домовый ещё и хлопает.

А в январе Кракозяврик мне ветку принёс. Берёзовую. Зелёную-презелёную.

– Ты, – говорю, – где такую взял среди зимы?

– В гости ходил к другу. Он в волшебном лесу живёт, там всегда всё зелёное.

– Что, в наше время и такой лес ещё существует?

– А куда ему деться-то?

– Ну, ты смотри, какой он, волшебный мир этот ваш. Ничё ему не делается, как ни издевайся, – удивлялся я. Не поверить я уже не смог.

– Это ещё что, вот через месяц на ней яблочки появятся...

– На берёзе-то?

– А то? Яблочко-то от берёзки недалече падает! Сейчас мы её в водичку поставим – и появятся они, миленькие...

Яблочки и в самом деле появились. Наливные, румяные... В тот день мы с Кракозявриком и домовым праздник устроили – Яблочный Спас. Ну и что, что не по календарю, зато весело. Мы друг друга спасали яблоками. Домового спасали от сливового варенья, Кракозяврика от чавканья (так и не спасли, к сожалению), а меня... А меня не от чего спасать. Кракозяврик предложил от неверия спасать, но я отказался. Что ещё за неверие, я от него давно спасся. Как тут не верить, если яблоки на берёзе среди зимы растут.

– Вот и тебя яблоки спасли, – резюмировал Кракозяврик, – это и называется Яблочный Спас.

В одно прекрасное утро Кракозяврик меня окончательно достал своим чересчур громким чавканьем:

– Ну, когда ты, наконец, закончишь! – возопил я. Возопил шёпотом, чтобы мои не услышали, а то решат, что я рехнулся. Крякозьяврик, кроме меня, никто не видел, и, надо полагать, мне бы никто не поверил.

– Не скоро, – ответило это недоразумение, – я же не виноват, что сегодня тебе приснился такой большой и вкусный сон.

– Я лично не помню, что мне снилось.

– И не вспомнишь. Я же его съел. А приснилось тебе всего лишь небо. А ты летал.

– Прямо в небе? Задевая облака и крыши небоскребов... Делая виражи и смеясь от радости...

– Вот ещё. Тоже мне – орёл... Летал на два метра от земли, нелепо размахивая руками и совершенно не управляя телом.

– И это ты называешь полётом? Чушь какая-то, – зевнул я.

– Не чушь, а вполне реальный полёт. Такой, как у всех людей.

– Это во сне-то? Реальный?

– А ты думал? Я же ем это, и вполне реально насыщаюсь.

И мне стало как-то грустно. Ну и как это, интересно, называется? Два метра... Я, что же, получается, даже во сне нормально полетать не могу? И где же в этом мире справедливость?

Чавканье Кракозьяврика закончилось, и я смог снова заснуть. Мне приснилось, что я стою на крыше огромного здания и собираюсь спрыгнуть, взлететь. Но как-то боязно... Помучившись, я спускаюсь вниз, грустно бреду по улицам. И вдруг взлетаю. На два метра. Беспорядочно махая руками. Совершенно не управляя телом. Как все люди. И какое же это наслаждение – летать! И дело-то не в высоте. А в этом ни с чем не сравнимым чувством ликования, лёгкости и бог знает чего ещё! Я лечу, лечу, лечу!!!

...И пусть Кракозьяврик подавится таким прекрасным и сладким сном...

Анна ЧЕРНЫШЕВА

О чём кричит ночная птица

Хорошо летом в лесу. Птичий хор горланит, перебивает сам себя, соревнуется, кто громче, да затейливей рулады выводит. Издалека доносятся сухие, монотонные и быстрые звуки ударов. Дятел деловито стучит клювом по стволу. Ласковые солнечные лучи пронизывают золотыми струнами листву, рисуют на земле затейливые узоры дрожащих теней. Мирно и царственно шумит лес. Где-то прячутся бурундуки и белки. Ветер пахнет свежестью и счастьем.

Пригорюнился леший, скорчился на свежем пенёчке. Подпёр он кулаком тяжёлую седую всклокоченную голову. Огладил ладонью окладистую бороду, вздохнул тяжело, запричитал тихонько:

– Ох-охо-хонюшки, трудные времена, чёрные.

Щуплый старичок в коричневой дряной одежке, одной на любое время года, скрипел как старая коряга.

– Люди... люди... Взяли моду леса уничтожать. Бесит их такая красота. Им бы нагородить уродливых коробок и жить, не поднимая головы, суетиться, психовать без причины. Живут, как блохи на собаке. И не могут без неё и её же кусают. С лесами воюют, а сами без них дышать не смогут, вымрут все.

Старик перевёл дух, повёл взглядом вокруг себя, залюбовался сочной зеленью, белоснежными стволами берёз, яркими глазками застенчивых лесных цветов. Голос кукушки наполнил воздух надеждой. Задрал голову к высокому прозрачно-голубому небу, к стремительно скользящим по нему лёгким, словно видения, облакам, потянул носом воздух, запахший гарью, снова горько вздохнул:

– Эхе-хе-хе, и сюда добрались.

Морщинистое лицо лешего помрачнело. Он устало махнул большой ладонью.

– Ну что творят, паршивцы! В прошлом году такой пожарище устроили. Жуть, что было! Огонь стеной стоял. Миллионы деревьев сожрал. Сперва идиоты траву подожгут, а потом тушат, героизм проявляют. И каждый год одно и то же. Не учатся на ошибках – и всё тут! Остаются только чёрные обугленные стволы-руки, протянутые к небу. Вот оно и плачет дождями, оплакивает жизнь, а она упрямая, упирается, лезет вверх.

Он посмотрел под ноги, ласково улыбнулся, протянул длинный узловатый палец. Красненькая, яркая как искорка, божья коровка забралась по нему на сухую ладонь, потопталась. Седобородый поднял, тряхнул руку, кругленькое насекомое расправило жёсткие пятнистые крылышки и полетело, помчалось прочь, а на худую коленку лесовика опустился с гудением золотисто-полосатый пушистый шмель. Старик доверчиво погладил кончиком пальца его мягкую, меховую спинку.

– Тёпленькая, – расплылся в блаженной улыбке седой, – нагрелся на солнышке, малыш.

Шмель помедлил и загудел дальше, мелькнул у самого лица и пропал. Старичок-леший поёрзал на пенёчке, поёжился.

– Вот и всё. Ходили сегодня, делянку выбирали. Скоро здесь ничего не останется. Нагонят техники, изуродуют землю гусеницами, вырубят все деревья, изломают молодняк, обломки побросают в пищу новым пожарам. Уничтожат всё, и дальше двинутся, о-о-ох, – безнадежно махнул рукой леший, – погиб лес.

Он поджал босые ноги, резко отвернулся от солнечной полянки и превратился в громадного тёмного филина. С крючковатым носом, тяжёлыми крыльями и большими когтистыми лапами. Птица неслышно поднялась, расправила огромные крылья и мрачной тенью скользнула вдаль, туда, где ещё осталась лесная чаща.

Связь времён

Купол неба выгнулся высоко над головой, чистый-чистый, голубой-голубой. Тёплый приветливый ветерок ласкал лицо, кружил в воздухе какие-то пушинки. Тоненькая кудрявая смуглая девочка лет пятнадцати стояла на песчаной дорожке огромного прекрасного цветника. Вокруг царил сладкий дурманящий запах тысячи роз. Цветы клонили свои тяжёлые, как полные винные бокалы, головки под нежным дыханием ветерка.

Цветник этот был украшением богатейшей виллы римского сенатора, а тоненькая девочка – его дочерью, милостиво пожелавшей отпустить рабыню и самой полить розы. На ней была белая короткая туника из тонкой шерсти. Волосы поддерживал дорогой медный обруч с затейливым узором. Возле стройных ножек, в новеньких модных сандалях почти до колен перехвативших ножки тонкими ремешками, стоял большой пузатый кувшин с двумя ручками.

Девушка наклонилась, понюхала тяжёлый бутон, звонко рассмеялась, вытерла пыльцу с аккуратного носика. Отмахнулась от назойливой мушки.

Ласковое солнышко заливало всё золотым сиянием. Девочка повернулась, прищурившись, посмотрела на светившуюся в солнечных лучах беломраморную виллу. До чего же всё здесь красиво и благообразно – залюбовалась живописными окрестностями девочка.

– Хорошо... – она закинула руки за голову, сладко потянулась.

Вдруг со стороны улицы раздался грохот и скрежет. Девочка вздрогнула, обернулась и замерла в ужасе. От улицы виллу и цветники отделял каменный забор, но широкая калитка всегда была не заперта. Никому не приходило в голову тревожить семью сенатора. Кто-то грубо сломал калитку и швырнул её на песок дорожки. В проёме возникла всклокоченная бородатая фигура. Мрачный незванный гость был одет в тёмную драную кожу то ли громадного волка, то ли косматого медведя. Из неё торчали очень кривые волосатые ноги. Весь облик пришельца кричал, что это ужасный варвар. Он по-звериному озирался, принюхивался. От самого варвара воняло отвратительно, это ощущалось даже на большом расстоянии.

Варвар мерзко прочистил горло, сплюнул и двинулся к девочке. Она тоненько вскрикнула и бросилась бежать. Варвар расхохотался, и смех его был похож на лай большого пса. Пришелец поленился преследовать легконогую нимфу, в развалку заковылял по тропинке. Добрался до большого кувшина, легко поднял его над головой, долго жадно пил, потом размахнулся и грянул красивый сосуд о землю. Тонкая керамика разбилась, вода растекалась, стала быстро впитываться в песок.

Девочка видела всё это, спрятавшись за помпезной колонной, поддерживавшей портик senatorской виллы. Безупречно гладкий мрамор, оставшийся прохладным в любую жару, охлаждал ладошки и ранил своим равнодушием. Она замерла от ужаса, а мерзкий дикарь преспокойно

невесть для чего принялся топтать, рвать и уничтожать цветущие кусты, получал длинные царапины, рычал и брыкался как дикий зверь.

Наконец ему наскучило уничтожать красоту, дикарь в звериной шкуре зло махнул рукой, выругался и поковылял обратно к выломанной калитке. Он уже скрылся из виду, а девочка всё дрожала от страха, боялась тронуться с места, тем более что с улицы неслись жуткие звуки, топот ног, крики отчаянья и злобный рёв, грохот тяжёлых ударов, стоны, непонятный шум.

Внезапно всё стихло. Тишина повисла леденящая и враждебная. Девочка поразилась своему оглушительно громкому вздоху. Она всё пряталась за мраморной колонной, но больше ничего не происходило, и кудрявая дочь сенатора решила покинуть своё убежище.

Она осторожно, крадучись прошла по песчаной тропинке, снова горько вздохнула над изломанными розами, аккуратно обошла черепки, оставшиеся от большого кувшина, и испуганно выглянула на улицу.

Она повертела головой: со всех сторон бросались в глаза обломки белых мраморных статуй. Красивые тела белели обломанными руками и даже пугали отбитыми шеями без голов. Изуродованные статуи скрывались среди помятой зелени. Равнодушно-голубое небо безмятежно царило над этой безрадостной картиной. Девочка опустила взгляд на землю, задохнулась от ужаса. Среди обломков мрамора и обрывков веток в дорожной пыли валялись трупы. Мёртвые остекленевшие глаза неподвижно смотрели на дочь сенатора. Ещё утром она разговаривала с этими людьми. Вот пожилая гордая соседка-сенаторша, а это её раб-садовник. С неё содрали золотые украшения. Ему – точно, как статуям, – отрубили руки. А рядом вовсе ужасный труп военного в блестящем нагруднике. Варвары обезглавили его, кровь пульсировала, лилась из страшной раны, текла по камням, а мёртвая рука всё ещё сжимала короткий меч. Голова воина валялась рядом с его круглым щитом. Голова медузы, выбитая на нём, была такая же мёртвая, как всё вокруг. Страшно...

Жуткий сон оборвался резко, но кошмарные образы таяли медленно, наполняли собой ночную тьму. Гулкая тишина всё звенела мёртвым одиночеством. Не верилось, что где-то есть живые люди. Двадцать первый век не спешил возвращаться. Виктория резко открыла глаза, села, взъерошила волосы.

– Приснится же такое. Я уже давно не молоденькая девочка, – вслух рассуждала она, – а такой тоненькой, вообще никогда не была.

Виктория стала выбираться из кровати, но странный сон не шёл из головы. На лице всё ещё явственно ощущалось ласковое дыхание тёплого ветерка, в носу так и стоял блаженный аромат роз, воздух тихонько гудел от сотен крошечных пчелиных крылышек. Так хотелось упасть назад на подушку, закрыть глаза и снова оказаться там, среди цветов.

Виктория героическим усилием заставила себя встать и пойти в ванную. Но милое видение не отпускало. Вернувшись из ванной, женщина замерла у большого зеркала. Окинула своё отражение скептическим взглядом и пробурчала недовольно:

Новость слышали?

– Ну, откуда в моём сне такие образы? Мне никогда подобное и в голову-то не приходило. Конечно, прикольно видеть себя такой юной красоткой: глаза огромные, чёрные, как ягоды смородины, волосы кудрявые. А на самом деле, – отмахнулась Виктория. – Волосы прямые, глаза – серые, лицо скуластое, щекастое, нос пимпочкой, бёдра широкие, ножки толстые, – вдохновенно критиковала себя Виктория.

Так она и на работу отправилась в дурном настроении. А мысль всё крутилась вокруг ночного видения.

– Где это было? Древняя Греция или Рим. Там и сейчас хорошо... Нет, – заспорила она сама с собой, – сейчас там беженцы. Ведут себя как дикари. Вот тебе и новое нашествие варваров на Европу. Вот-вот, к чему мне это всё приснилось, – порадовалась женщина, – новостей насмотрелась.

Ухудшая настроение пуще прежнего, перед глазами поплыли жуткие картины изломанных цветов, разбитых статуй и обезображенных трупов.

Так Виктория и вышла на улицу в дурном настроении. Шёл серый бесконечный унылый осенний дождь. Она открыла зонт, смотрела себе под ноги на мокрый асфальт и лужи.

Автобуса не было, пришлось долго торчать на остановке. Зато когда автобусик появился, он оказался полупустым, и женщина с удовольствием спряталась от промозглой сырости в его душном тепле. Прямо напротив двери было свободное место, она не стала забираться далеко и села у окна. Автобус резво добежал до следующей остановки. Двери шумно открылись. Из дождевого мокрого занавеса возник новый пассажир, и Виктория ахнула.

– Мерзкий варвар!

Это, несомненно, был он: всклокоченные волосы, клочковатая борода, бегающие глаза, конечно, на плечах не звериная шкура, а какая-то бесформенная потёртая кожаная куртка. Ноги короткие, кривые. Он! Точно он!

Варвар, недолго думая, повалился на ближайшее сидение рядом с женщиной и развалился по традиции всех хамов. Виктория не собиралась затравлено жаться в угол. Он удивлённо повернулся к ней, оскалил свои гнилые зубы, дыхнул отвратительной смесью перегара и пепельницы, прохрипел:

– Двигайся, тётка.

Это было уже последней каплей. Виктория вскочила на ноги, смерила его презрительным взглядом сверху вниз, резко указательным пальцем ткнула хаму в открывшуюся дверь, скомандовала:

– Пошёл вон!

Мерзкий мужик совсем не ожидал такого от невысокой женщины, захлопал глазами, фыркнул что-то вроде:

– Да ну тебя!

И ринулся из автобуса, исчез в дожде.

Так, спустя пару тысячелетий мерзкий варвар, наконец, был изгнан.

– Новость слышали? – Высокий, тощий парень поставил на стол кружку пива, присоединяясь к компании. – Король примирает!

Новость, видимо, была не слишком новая – четверо за столом равнодушно переглянулись, кто-то пожал плечами. Общую мысль выразил рыжий охотник со шрамом через всё лицо:

– Это разве новость? Он уж второй месяц, как примирает!

– Да нет! – От обиды тощий даже про пиво забыл. – Теперь уж совсем. Сеструхи моей муж в замок дичь возил – а там у него родич какой-то прислуживается – так он рассказал, что смерти короля прям вот с минуты на минуту ждут, все верховные лорды в замке торчат безвылазно. – Тут он поднял глаза к потолку и делано всхлипнул. – А может, и пример уж...

За столом вежливо помолчали. Потом самый молодой из собравшихся, с едва наметившимися усами, растерянно спросил:

– А кто же теперь королём-то будет? – Потому, что все жители славного Илрота знали, что нет у умирающего короля никаких наследников – ни прямых, ни дальних.

– Кто, кто! – Рыжий пожал плечами. – Изберут, поди, лорды когнать промеж себя – вот и будет нам новый король.

– Это скверно, – вступил в беседу самый старший из сидящих, уже седой мужик хорошо за сорок. – С таким королем наш Илрот долго не продержится.

– А чем плохо, дядь Хтар? – поинтересовался вестник. – По мне – так никакой разницы. Нам-то всё одно: работай да налоги плати.

– Ты, Алташ, ещё мало в жизни видел. – Пожилой Хтар допил своё пиво и вытер усы. – Потому и болтаешь глупости. Сейчас у нас один закон и налог один. А вот мой дед рассказывал, что пока не появился в наших землях прадед покойного короля, одного закона у нас не было. Лорды друг с другом враждовали, и у каждого – свой закон. И налоги, разумеется, каждый лорд свои собирал. Одному заплати, потом другому, а потом ещё и третий припожалует – тоже до налогов охочий. И на юге кочевые племена в набег ходили – потому, как лордам налоги собирать было интереснее, чем земли от кочевников оборонять. Вот и жгли степняки деревни почём зря. И разбойников в лесах было множество – без оружного сопровождения никто и ездить не смел. Барн, первый король, объединил Илрот и навёл порядок. А теперь опять всё порушится, вот увидите.

Он скорбно заглянул в свою опустевшую кружку и замахал трактирщику, заказывая ещё.

За столом некоторое время помолчали, обдумывая мрачное предсказание Хтара. Затем Алташ недоумённо пожал плечами:

– Ну и что? То давно было, а теперь Илрот давно уж единое королевство. Вот выберут лорды нам нового короля – чем он хуже старого будет?

Собеседники с интересом уставились на Хтара. Пожилого воина в этой компании крепко уважали – он много успел побродить по свету и знал всяко больше любого из присутствующих. Был когда-то и в наёмниках, и в разбойниках, и в Королевской гвардии послужить успел. Друзья любили слушать его неспешные рассказы о прожитых годах или легенды наёмников, которых он знал великое множество.

Хтар немного помедлил с ответом, намеренно разжигая их нетерпение, и рыжий повторил:

– Ну? Чем хуже?

– Да, может, и ничем. – Бывший наёмник медленно обвёл взглядом собеседников. – Если бы нашёлся среди лордов кто-то, по крови родственник с родом Барнингов. А таких нет. Зато есть много легенд о том, как тот или иной лорд пытался захватить верховную власть и объединить королевство. И ни у кого не вышло – остальные лорды рано или поздно с ним расправлялись. А у короля Барна и у всех его потомков был волшебный дар. Многие они умели, но главное – могли хоть кого убедить в своей правоте, а ещё любая клятва, данная человеку из рода Барна, становилась нерушимой. Потому-то ему и удалось так легко объединить страну, и ни разу с тех пор не один лорд не поднялся против королевской власти. Если и были недовольные, то ворчали тихо по своим замкам, а дальше дело не шло. Ну а теперь выберут лорды нового короля – а толку? Всё равно он на троне долго не усидит. Да и не выберут они, перегрызутся все...

Хтар с мрачным видом махнул рукой и снова приложился к кружке. Возразить было нечего – все молчали. Наконец самый молодой спросил:

– Дядь Хтар, а откуда он взялся-то, знаешь?

– Кто?

– Первый король.

– Аааа! – Хтар значительно оглядел собравшихся. – Никто не знает. Дед рассказывал, что назывался он Барниз рода Хастли, а ещё – что тогдашний лорд Хастли звал его сыном. – Он выдержал эффектную паузу. – Но ещё я слышал, что был он лорду Хастли не родным сыном, а приёмным, и что ни с кем из лордов в родстве не состоял. А где его Хастли нашёл, и почему сыном назвал – только им одним и ведомо.

За столом снова замолчали, занявшись ужином и невесёлыми мыслями.

Через некоторое время рыжий охотник вдруг вспомнил о чём-то и мечтательно улыбнулся:

– Зато, когда король примрёт, будет Звёздная ночь. Красота-а-а!

– Да уж, – согласился Хтар. – Поглядеть есть на что.

– А как это? – удивился молодой. – Ночи ведь все звёздные... ну, когда туч нет.

– Это ночь будет особенная. Звёзды с неба посыплются. Да так до утра и будут падать. А днём их можно собирать – они как стеклянные делаются. А на следующую ночь все исчезают.

– Точно. – С лица рыжего не сходило мечтательное выражение. – Я тогда мальчишка ещё был – а помню. Мы наутро всей деревней эти звёзды собирали.

– А что с ними делать?

Хтар усмехнулся:

– А не знает никто. Их только ребяташки собирают – им забавно.

Дверь трактира распахнулась. В зал один за другим вошли трое стражников из королевского замка. Первый громко стукнул шлемом о стол, привлекая всеобщее внимание, и громко провозгласил:

– Король помер, слышали? Хозяин, налей крепкого – помянуть его величество.

Ночной ветер, врываясь в открытые окна, колебал пламя свечей, заставляя тени десяти человек отплясывать дикую пляску. Гордая осанка, гербы на коттах и плащах, злые, подозрительные взгляды. Верховные лорды Илрота собрались, дабы решить судьбу королевства.

– Смерть его величества – беда для всех нас. – Высокий человек с гербом, изображающим грифона, держал речь, прохаживаясь вокруг стола. – Но рыдают по этому поводу пусть простолюдины. Мы же сейчас обязаны решить, что делать с престолом. И никакие эмоции нам в этом не помогут. Как всем вам прекрасно известно, король не оставил завещания, и никто из нас не слышал о каких-либо его наследниках. Надо смотреть правде в глаза, господа. Сегодня династия Барнингов прервалась навеки.

Он замолчал на миг, придав лицу скорбно-тожественное выражение, затем продолжил:

– А потому я не вижу иного выхода, кроме как избрать правителем кого-то из нас.

– Ну почему же? – возразил ему молодой лорд с горностаем на гербе. – Управлять страной можно и без короля. Мы вполне можем делать это все вместе, составив совет.

Все собравшиеся задумались, некоторые одобрительно кивали. Но вот поднялся со своего места седой человек с медведем в гербе.

– Не думаю, что это хорошая мысль. – Он говорил неторопливо и рассудительно. – Вспомните судьбу Кернойского королевства. Там тоже была схожая история – оборвалась правящая династия, и самые знатные дворяне попытались ввести правление в форме Высшего совета. Но народ и мелкое дворянство такой власти не приняли. В стране начались беспорядки, выросшие вскоре в охватившую всё государство гражданскую войну. А закончилось всё вторжением сразу трёх соседних королевств, и ныне государства Керной не существует. Нет, господа идея лорда Рена мне абсолютно не нравится.

– Я согласен, господа, – слово вновь взял лорд с грифоном. – Лорд Алимат прав. Абсолютно ясно, что у нас нет иного выхода, кроме как избрать нового короля. Хотя бы даже и без Дара.

Ответил ему снова лорд Алимат:

– Избрать короля недолго. Но ни от кого из нас не секрет, что порой только волшебная сила правителя, скрепившая принесённые клятвы, удерживала наших предков от заговоров и неповиновения. И где гарантии, что этого не повторится опять? Вот только клятвы теперь будут только словами. А слова... слова часто теряют силу быстрее, чем их уносит ветер.

Он мрачно оглядел собрание – и некоторые лорды отводили взгляд. В комнате повисла тишина, которую нарушил опять же лорд с грифоном.

– Разумеется, есть опасность, что новый король не сумеет удержать правление. Но ведь к его помощи будет Орден, не так ли?

При этих словах все обернулись на пожилого человека в серой мантии, сидящего в стороне от стола, магистра ордена Знания.

– Само собой. – Отвечая, он так и не поднял глаз. – Но наше умение – ничто по сравнению с могуществом Истинного Дара. А кроме того, мы ничем особенным королям Илрота не обязаны. Если под вашим новоизбранным королем зашатается трон – мы никак не сумеем ему помочь.

– А среди вас нет ли людей с Даром? – Этот вопрос магистру задал молодой лорд Рен.

В ответ магистр скорбно покачал головой.

– Нет. В Илроте такие люди уже давно не рождаются. Собственно, король Барн был единственным за очень долгий срок.

– Король Барн был рожден не в Илроте, – произнёс лорд с грифоном. – Как вам известно, мой предок назвал его сыном – и род Хастли гордится этим. Но по крови он не был нам родным. Приёмный отец привез его из Вискальских гор в возрасте восьми лет. А как встретил и почему решил усыновить – никогда не рассказывал.

– Всё это очень интересно, – вступил в беседу ещё один лорд, с крылатым змеем в гербе. – Но к цели нашего заседания не приближает. Что бы мы здесь не перетирали – итог будет один: мы должны избрать королем кого-то из нас. Как?

И снова все замолчали, обдумывая вопрос. Потом все тот же лорд Рен спросил:

– А как избирали раньше? Ведь дважды короли не оставляли завещания, а закона о престолонаследии у нас нет. Однако каждый раз наследники как-то разбирались промеж собой, причём мирно.

– Искры, – веско произнёс Магистр. – После смерти носителя Дар высвобождается и рассыпается Искрами. Это явление ещё называют Звёздной ночью. Каждая Искра способна пробудить Дар. Если, конечно, он есть в человеке. Королём становился тот из принцев, в ком пробуждался Дар.

И многие тотчас оглянулись на окна – снаружи сказочным дождём падали с неба звёзды.

Лорд Рен возбуждённо произнёс:

– Вот это да! Так, значит, и у меня, возможно, есть, Дар! Осталось только его пробудить.

Остальные лорды наградили его неодобрительными взглядами, а магистр пожал плечами.

– Возможно, хотя я сильно сомневаюсь. Впрочем, это легко проверить – нужно просто взять в руки Искру, и если в вас есть Дар, вы это сразу поймёте. И все остальные – тоже.

После этих слов заседание приобрело несколько сумбурный характер – все заговорили разом, перебивая друг друга, кто-то бросился к окну, кто-то – к дверям... Порядок навёл лорд Хастли, громко напомнив собравшимся о цели заседания. Затем, пока несколько смущённые лорды занимали места за столом, он вызвал слугу, и коротко распорядился принести со двора горсть Искр.

А магистр наблюдал всю эту суету из своего угла и нехорошо так усмехался.

Приказ вскоре был исполнен – на стол водрузили плоскую корзину, наполненную Искрами – странными, круглыми образованиями с множеством лучей разной длины. На вид они казались стеклянными, а по цвету напоминали пламя разных оттенков – от огненного до бледно-жёлтого.

Первым к корзине потянулся лорд Хастли. Взяв Искру, он некоторое время вертел её в руках – ничего не произошло. Тогда он равнодушно пожал плечами и вернул Искру на место. После Хастли к корзине по очереди потянулись все остальные – и никто не добился результата. Некоторые потом складывали искры в корзину, кто-то с размаху бросил на пол – Искра разбилась почти как стеклянная, только вместо осколков в стороны разлетелись брызги света.

Наконец лорд Алимат заметил откровенно злорадную улыбку магистра и поинтересовался, что же его так развеселило.

И тогда старик разъяснил, что когда обычный человек касается Искры, она засыпает и для выявления Дара уже бесполезна.

После этого все дружно решили пойти подышать свежим воздухом. А для уверенности прихватили с собой и магистра. Но успеха так никто и не добился. Когда примерно с полчаса лорды встретились на аллее парка, у каждого при себе было несколько остекленевших Искр – и только.

Больше всего их оказалось у лорда Рена. Он и подал эту безумную идею:

– А давайте проведём испытание.

Все с недоумением уставились на него, а лорд Хастли устало спросил:

– Что ещё за испытание?

– Изберём королем того, кто завтра к вечеру соберёт больше всего Искр.

Сначала идею осмеяли. Но, как ни спорили лорды, вернувшись в замок, ничего лучше так и не придумали. Хотя нет, лучшие идеи были, но они так или иначе не устраивали большинство собравшихся. И, в конце концов, лорды проголосовали за идею Рена.

Установили конкретный срок, к которому надо было привезти Искры в замок, а также решили, что каждый из претендентов должен собирать их только самостоятельно, хотя при этом пункте большинство голосующих

тайком скрестили пальцы. Двое лордов, отказавшихся от претензий на корону, были назначены следить за честностью испытания.

А в окна уже заглядывали первые солнечные лучи...

День только-только перевалил за середину – самое жаркое время. Вальд Брасти неторопливо брёл по тропе. В лесу стояла почти полная тишина, только деревья, как всегда, шелестели о чём-то вечном. Вальд в очередной раз широко зевнул – то ли от полуденной жары, то ли от неумолчного лесного шелеста парня одолевала дремота. А может быть, от того, что почти всю прошедшую ночь он, наслушавшись восхищённых рассказов Хтара Ингрэ и его рыжего приятеля, пялился на звездопад. Зрелище, действительно, было завораживающее – сотни звёзд срывались с небес и плавно летели к земле. Но вот поспать Вальду почти не удалось, и теперь его настигла расплата в виде отчаянной зевоты.

Но, несмотря на сонливость, у Вальда была серьёзная причина утром уйти из дома: отец его уехал на ярмарку и вернуться должен был только через три дня. А с мачехой отношения у парня как-то не сложились. Не то чтобы они ненавидели друг друга – просто были абсолютно чужими. При отце они ещё старались поддерживать видимость хороших отношений, а когда он уезжал по торговым делам, могли за целый день ни слова меж собой не сказать. Этот молчаливый нейтралитет тяготил Вальда, и на время отсутствия отца он, по возможности, куда-нибудь, сбегал из дома.

Вот и сейчас через плечо парня перекинута походная сумка со всем необходимым. Он собирался дойти до королевского замка: Вальда одолевало любопытство, хотелось хоть одним глазом глянуть, что там делается, а может, и узнать, кто всё же станет королём. Было бы здорово раньше всех принести в Приречный посёлок эту новость.

На ходу Вальд мало следил за дорогой – лес вокруг знакомый, да и тропинка хорошо исхожена. Парня одолевали мысли о будущем Илрота. То и дело всплывали в памяти мрачные предсказания Хтара – вчера в трактире старик ещё долго разглагольствовал о прошлом и будущем, наполняя смятением впечатлительные души слушателей. Вальд от всего сердца надеялся, что пророчества старика не оправдаются. Что будет с Приречным посёлком в случае междоусобицы? Он построен на свободных землях, его жители никому не платят оброков – но и защитить их в случае смуты будет некому... Чтобы отвлечься от мрачных дум, парень принялся размышлять о волшебном Даре. Он ни разу в жизни не встречал людей, наделённых Даром, зато в легендах и сказаниях они попадались на каждом шагу. Отважные герои спасали королевства и похищали прекрасных девушек, выручали попавших в беду – и многие истории начинались с того, что сбежавший (или изгнанный) из дома герой после Звёздной ночи находил Искру. А впрочем, Вальд не слишком верил этим сказкам, хоть и любил их слушать долгими зимними вечерами. По дороге знакомые ребятишки уже показали ему Искры – странные колючие штуки, похожие на стеклянных ежиков. Абсолютно ничего волшебного в них не было.

Увлечшись размышлениями, Вальд едва не наступил в пересекавший тропинку ручей. Перепрыгнув через него, парень остановился, и некоторое время задумчиво смотрел на бегущую воду. Примерно через полкилометра ручей впадал в лесное озеро – было бы неплохо дойти до него и выкупаться. Вальд задрал голову – солнце просвечивало сквозь листву почти над головой, уйма времени в запасе. Приняв решение, парень повернулся и весело насвистывая, зашагал по берегу, вниз по течению.

Пройдя метров сто, он услышал крик. Кричала женщина, коротко и испуганно. Вальд замер на миг, определяя, откуда кричали, а затем, не раздумывая, побежал на помощь.

Вскоре среди густой листвы мелькнуло яркое пятно, а ещё через миг Вальд увидел девушку, сидящую на земле у подножия дерева.

В первую секунду Вальд не понял, что с ней случилось, – казалось, она просто присела отдохнуть. Но уже с одного взгляда было ясно, что перед ним не простолюдинка – это было видно и по дорожному платью, и по причёске – крестьянские девушки не убирают волос под золотые сеточки.

Вальд уже несколько нерешительно подошел к ней ближе и осторожно спросил:

– Это вы кричали?

Девушка повернула к нему испуганное лицо, увидела, кто перед ней, и попыталась изобразить высокомерие. Получилось плохо.

– Я... – Она запнулась, перевела дыхание, затем проговорила уже более твёрдым голосом. – Со мной случилась неприятность. Если вы поможете мне, я щедро заплачу.

Вальд подошёл к ней вплотную и только тогда понял, что произошло. А поняв, с трудом удержался от смеха – правой ногой девушка угодила в ловушку, расставленную на зайца. Деревянные планки крепко защемили щиколотку. Видимо, попавшись, она упала – на платье щедро нацеплялся всякий лесной мусор. Она смотрела на Вальда снизу вверх, и сквозь высокомерие отчетливо просвечивал страх – освободиться самостоятельно она не могла.

Справившись с приступом веселья, Вальд несколько пафосно произнёс:

– Попавшей в беду женщине я готов помочь без всяких денег.

А затем присел и принялся возиться с ловушкой. Много времени это у него не заняло – конструкция была несложная и хорошо ему известна.

Освободив пленницу, Вальд быстро ощупал повреждённую ногу – кости оказались целы. Зато синяк будет великолепный.

Он улыбнулся незнакомке и сказал:

– Вот вы и на свободе. Перелома нет, разве что связки немного повреждены. Вы далеко живёте?

– А что? – В её глазах появилась настороженность.

– Ну, я хотел предложить проводить вас до дома, если вам будет трудно идти.

– Спасибо. – Она очаровательно улыбнулась парню и протянула ему руки. – Помогите мне встать.

Вальд вскочил и осторожно поставил девушку на ноги. Она попыталась сделать шаг, но охнула и сморщилась.

– Больно? – Вальд взял её под руку.

– Терпимо. Думаю, что идти я смогу, нужно только сделать тугую повязку.

Повязку соорудили из пояса от платья. Вальд имел некоторые навыки врачевания – мало ли что может случиться на охоте, – так что вполне справился с этой несложной задачей.

После этого девушка встала и сделала несколько кругов вокруг дерева. Опираясь на повреждённую ногу, она постанывала и морщилась, но, тем не менее, решила, что идти дальше в состоянии.

– А куда вы шли? – спросил Вальд.

– В королевский замок. Вас не затруднит меня проводить?

– Нисколько. – Вальд улыбнулся. – Тем более, что я и сам туда шёл.

– Вот как? – Она удивлённо приподняла брови. – И зачем же?

Парень пожал плечами.

– Да просто так. Посмотреть, что там делается, сплетен послушать.

– Ну, что ж, мне повезло... Так, а где мой короб?

Оба принялись озираясь, и Вальд сразу заметил отлетевший в кусты массивный плетёный короб с крышкой. Парень вытащил его из кустов и, поставив на землю, не слишком вежливо заглянул внутрь. В коробе оказались стеклянные ёжики – Искры, он был полон ими где-то наполовину.

Вальд поднял голову и изумлённо уставился на незнакомку.

– Простите мне моё любопытство, леди, но... что вы собираетесь с ними делать? Я слышал, что Искры совершенно бесполезны.

Девушка ответила с явным неудовольствием:

– Любопытство прощаю. А что я собираюсь с ними делать – не твоё дело.

– Ну и ладно. – Вальд встал и закинул короб на плечо. – Тогда хотя бы скажите, как вас зовут.

– Салин Хастли. – Девушка улыбнулась, любуясь его изумлением. – Но мужчина должен представляться первым.

– Простите, леди. Я ведь всего лишь невоспитанный парень из деревни. Меня зовут Вальд Брасти. Идемте, нам в ту сторону.

Первые метров сто Вальд поддерживал Салин под руку, потом она стала наступать на повреждённую ногу увереннее и отстранилась от его помощи. Тогда Вальд нашёл ей подходящую палку в качестве костыля. Впрочем, Салин не столько опиралась на неё, сколько раздвигала палкой кусты и траву, высматривая новые Искры. Вскоре ей повезло, и в короб добавился ещё один стеклянный ёжик. А потом – ещё один, и ещё.

Убирая третью Искру в короб, Вальд задумчиво произнёс:

– Интересно, как они не разбиваются, падая неба? Такие стеклянные...

Салин ничего не ответила, но найдя очередную искру, подозвала парня поближе. Вальд склонился над раздвинутой травой и замер, поражённый.

Это было не похоже ни на что. Невысоко над землей застрял в густой траве комочек живого огня. Он был янтарного цвета, весь окружённый язычками – лучиками разной длины. Лучики безостановочно шевелились, то вытягиваясь, то укорачиваясь, и в этом танце было нечто завораживающее. Это действительно была звезда...

А впрочем, Вальд недолго любовался танцем лучиков. Салин подняла Искру с земли – и та сразу сжалась и остекленела. Через мгновение Вальд добавил в короб очередного стеклянного ёжика.

После этого у него несколько испортилось настроение. Было жаль этот красивый, живой огонёк, превратившийся в тусклую стекляшку. Вальд задумчиво шёл по тропе рядом с Салин и всё вспоминал Искру, какой она была, пока её не коснулась девушка.

А Салин продолжала обшаривать окрестные кусты в поисках новых звёзд.

Потом с Вальдом произошло нечто странное. Салин равнодушно прошла мимо очередных кустов, ничего там не заметив, а Вальд вдруг осознал, что она ошиблась и в кустах всё же скрывается Искра. Они отчего-то вовсе не попадались на открытых местах, скрываясь под прикрытием кустов или густой травы.

Вальд окликнул Салин:

– Искру пропустила.

Девушка несколько раздражённо передёрнула плечами, но всё же обшарила указанный куст повнимательнее и, действительно, выудила оттуда Искру. Когда она передавала находку Вальду, вид у неё был несколько озадаченный.

А вскоре Вальд нашёл ещё одну Искру. И ещё одну. И ещё. Передавая ему пятую, Салин с удивлением поинтересовалась:

– Как это у тебя получается?

В ответ Вальд только пожал плечами. Он и сам не понимал, как это у него выходит. Он просто шёл по тропе и думал об Искрах. И как-то неожиданно понимал, где лежат новые. Он их не видел и не слышал, он просто знал. Неизвестно как.

– Ты странный. – Салин улыбнулась ему. – Открою секрет, я адепт ордена Знания, но ни о чём подобном, ни разу не слышала. Чудеса-а-а!

Они не торопясь шли по тропе – Салин всё же не могла идти быстро, а ещё Искры надо было собирать. Жара потихоньку спадала, лес зашумел громче, тревожимый налетевшим с запада ветерком. Небо в просветах листьев понемногу затягивали облака.

Короб Салин был уже почти полон – внезапно открывшийся у Вальда талант чуют Искры весьма тому способствовал. При этом все Искры подбирала с земли Салин – Вальду не хотелось видеть, как остекленеет в его руке маленький живой огонёк. Зато парень провёл несколько экспериментов, пытаясь прутиком передвинуть Искру с места на место. Искры перекатывалась, как тряпичный мячик, и, если бы Салин не торопила бы спутника, он развлекался бы так ещё долго.

Но всё кончается – кончилась и тропинка, выведя Вальда и Салин на тракт, примерно в двух километрах от королевского замка. Здесь Салин уселась было на поваленное дерево, сказав, что желает отдохнуть, но Вальд почти сразу засёк неподалеку ещё одну Искру.

Когда он сообщил об этом Салин, та устало вздохнула и сказала:

– Мне уже хватит. Иди сам подбирай, если есть желание.

Вальд пошёл. Недалеко от дороги из-под земли бил родник, которым часто пользовались путники. Именно там, на дне, и спряталась Искра. Парень осторожно опустился на колени и некоторое время заморожено любовался золотистыми бликами, которые порождал в воде танец лучиков. Потом ему в голову пришла ИДЕЯ. Если предстояло ночевать в лесу, Вальд всегда таскал с собой берестяную кружку. Он достал её из сумки, и, засучив рукав, зачерпнул из родника немного воды вместе с Искрой. Искре в кружке было немного тесновато, она несколько возмущённо (как показалось Вальду) ощупывала лучиками стенки.

Вальд немного полюбился своей добычей и понёс её показать Салин. Но Салин на дороге была уже не одна. К ней присоединился высокий, богато одетый мужчина с властным лицом. За седлом его лошади был приторочен точно такой же короб, как у девушки.

– О, Вальд вернулся! – Салин улыбнулась. – Отец, позволь представить – Вальд Брасти, мой спаситель. И ещё он очень помог мне собирать Искры. Он их словно чувствует. А это мой отец, лорд Хастли.

Вальд поклонился, а затем лорд Хастли пожал ему руку и душевно поблагодарил за помощь, оказанную дочери. В ответ парень пробормотал что-то дежурно-вежливое. С появлением лорда едва различимая грань между ним и Салин сделалась реальной и ощутимой. Так же смущённо он показал ей Искру в кружке. Но Салин глянула лишь мельком и посоветовала Вальду добавить эту Искру к остальным. Вальд вздохнул и поплёлся к коробу, а Салин принялась что-то живо обсуждать с отцом.

Открыв короб, Вальд ещё немного постоял, собираясь с силами – эту Искру ему было особенно жаль. Наконец он решился и опрокинул содержимое кружки на ладонь. Вода пролилась на землю, а Искра осталась лежать на ладони, лаская лучиками кожу. Остекленеть она как-то забыла...

Салин Хастли разговаривала с отцом и наблюдала за выручившим её парнем. Он был весьма симпатичен, и, если бы не происхождение, она бы не отказалась завести с ним роман. А ещё девушку заинтриговало его непонятное умение находить Искры. Она действительно не слышала и не читала ни о чём подобном. Между тем Вальд дошёл до короба и замер над ним, разглядывая свою добычу в кружке. Потом он вытряхнул Искру на ладонь – и вот тут-то Салин изумлённо ахнула, потому как на его ладони Искра не замерла куском стекла, а продолжала всё так же переливаться и шарить лучиками. Увидев изумление дочери, лорд обернулся, и они вместе смотрели, как Вальд заморожено взял Искру в пригоршню. Она увеличилась в размерах, превратившись в облачко ослепительного света. А через мгновение Вальд

поднёс руки к лицу и... словно бы вдохнул этот свет. И тотчас свет пронизал всё его тело так, что на парня больно было смотреть. Не выдержав ослепительного сияния, лорд Хастли отвернулся, а когда снова взглянул на парня – тот уже был прежним. Он ошарашено посмотрел сначала на свои руки, потом на Салин с отцом, а когда подошёл ближе – лорд Хастли увидел в его глазах знакомые золотые искры, какие он не раз видел в глазах короля...

– Новость слышали? – Тоший Алташ поставил на стол кружку пива и присоединился к компании.

Хтар Ингрэ глянул на него и равнодушно спросил:

– Про Вальда, что ли?

– Да-а-а... – разочаровано протянул Алташ. – А вы уже знаете?

– Знаем, разумеется, – степенно ответил Хтар. – Не ожидал я, конечно, что наш Вальд в короли выйдет, да видать, судьба. Помнится, его бабка, когда стала стара и пристрастилась к вину, хвасталась всем и каждому, что случился у неё много лет назад роман с тогдашним королем, когда он в этих местах охотился. Не врала, выходит!

Алла МОЖДЖЕНСКАЯ

Принятие потребительской корзины в Госдуме

Год 19**

– Итак, добрый день, господа! Повестка дня – потребительская корзина.

– Предлагаю в корзину положить журналчик какой!

– Батенька, шутите?

– А народ читать-то умеет?

– Где им, оне ж безграмотные!

– А там и читать не надо. Все понятно по картинкам и фотографиям.

– Кому это понятно? Мне, к примеру, не понятно. Вот...

– Господа, мы отвлеклись от темы. С досугом населения, положим, разобрались. Теперь – еда в смысле пища.

– Джентльмены, кушать подано! Прошу всех к столу!

– А, простите, вина они пьют? «Мадам Клико», например.

– Не стоит. Ежели раздать всем по бутылке «Мадам Клико», спасибо, ещё долейте, нам самим ничего не достанется. Вы этого хотите?

– Н-нет. Пусть лучше самогон в магазинах покупают.

– Так и запишем: Само-гон.

– О, послушайте! Если этот... гон-само, то здесь усматривается диалектическое обоснование...

– Господа, диалектику лучше оставить на десерт. Что народ будет кушать?

– Ананас! Ей-богу, ананас! Передайте, пожалуйста, мне ананас!

– Ананас, батенька, жиры сгоняет. А им что сгонять? Сначала жиры, а потом, извините, нас? Так и до революции рукой подать.

- Тише, тише! Дайте им... морковку.
- Постите, что такое «мо'ковка»?
- Э-э-э, фрукт такой. Знаете, средних размеров, цвета... морковки.
- ????
- Хорошо, господа. С этим мы разобрались. Давайте решим, что народ носить будет.
- Но-ски!
- Подтяжки!
- Халат – гораздо практичнее. Халат рабочий, халат домашний, халат для купания, стирки, выходной халат. Халаты всех цветов и фасонов! Обращайтесь, господа: еврей Шмукль всегда к вашим услугам!
- Идея, джентльмены! Халат с носками на подтяжках!
- Ду-рак.
- Тише, тише. Секретарь, зачитайте потребительскую корзину на 19** год.
- Эх, народ-то обрадуется – есть, кому о нем позаботиться. Кто бы так нас полюбил...

Юлия ТАРЗАНОВА

Сказка о времери

У каждого человека есть свой небольшой времери. Как же они выглядят, эти непонятные существа? Очень просто. Давайте представим, что это небольшой пугливый человечек, всегда торопящийся вперёд, всё время стремящийся всё узнать и быстрее повзрослеть. Но очень многие люди почему-то считают, что времери очень большие и что с ними никогда не придётся попрощаться навечно. Как же сильно ошибаются эти люди! Ведь у каждого человека только один небольшой времери. Но придёт час, когда его не станет. Он, можно сказать, кончится – как небольшая пачка конфет, когда-то съеденная маленьким ребёнком. Времери проживают разные жизни: у одних она была весёлая, быстрая, а у кого-то достаточно трудная и тяжёлая. Не хватит и вечности, мой дорогой читатель, чтобы рассказать вам о каждом времери на свете.

Но... я расскажу вам счастливую судьбу одного из миллионов времери. Жизнь его началась летом. Утром, едва лучи солнца осветили небольшой городок, как в доме номер 24 по улице Красных Зорь, родилась малютка, вместе с которой и начал жизнь наш времери. Разумеется, они жили вместе, друг друга любя и ценя. Когда девочка выросла, а вместе с ней вырос и наш времери, она пошла в школу. В свободные от школы дни они с времери не тратили ни одну минуту жизни зря, всегда что-то вытворяли, играли, с каждым днём познавая мир всё больше и больше. Даже спустя тридцать лет, с тех пор как родилась наша малютка, она ни на минуту не забывала про своего времери. Хотя уже вышла замуж, родила детишек, но времери она ценила по-прежнему крепко.

Однажды они всей семьёй отправились на отдых. Их было пятеро: мама, папа и трое милых детишек, а с ними, – разумеется, с каждым из них – свой времери. Уехали они на машине далеко за город. Было очень весело и шумно! Спустя длительное время, дети по-прежнему веселились, играли и шумели, а вот их маме стало скучно. Она сидела и не знала, что бы поделаться и чем себя занять. Казалось, что она больше никому не нужна, что она осталась совсем одна... Мама спустилась к берегу реки, где просидела долгих два часа, просто думая о жизни и ничего не делая. Ей стало не по себе, она почувствовала, будто что-то забыла или потеряла... Она подумала: «Может, я забыла дома сумку?.. или потеряла деньги... а может...» Но нет. Это были вовсе не сумка или деньги. Она потеряла времери. Вскоре она поняла, что попросту забыла про своего драгоценного времери! Его нужно скорее вернуть! Она, не задумываясь больше ни минутки, пошла играть с детьми, потом читать увлекательную книгу, затем готовить вкусный ужин... А потом... «Здравствуй, моя дорогая! Я по тебе очень скучал! Пожалуйста, не забывай и не теряй меня больше попросту, ведь мы с тобой самые неразлучные друзья, которые родились в один день и которые живут, растут и умирают вместе». Больше она никогда не теряла своего времери.

С той поры прошло немало лет, и наш времери уже состарился, впрочем, как и девочка, с которой когда-то он вместе родился. Времери не жалел ни о чём. Он прожил весёлую, активную, полную открытий, а самое главное счастливую жизнь!

Но придёт час, когда его не станет. Он, можно сказать, кончится – как небольшая пачка конфет, когда-то съеденная маленьким ребёнком.

Футбол на уроке русского языка, или Приятная неожиданность

Это была ничем, на первый взгляд, не примечательная среда. Один из обычных пасмурных дней, который мы можем частенько наблюдать в ноябрьское время. Не успело ещё солнце встать, а двери школы номер сто сорок пять уже были открыты для шумных детишек.

Кабинет русского языка был самым большим в школе, как будто его раздули как воздушный шарик. Но зато там было просторно, красиво, удобно и не жарко – даже в майскую жару. До звонка оставалось около минуты, но 5 «В» класс уже был в сборе, ожидая скучный и долгий диктант. В классе не было такого человека, который хотел бы его писать, но все ребята уже смирились с неизбежным и за минуту до звонка быстрым темпом начали повторять правила, словно классу объявили войну, к которой они были совершенно не готовы. Так как этот класс был самым шумным в школе, они не услышали звонка, который для других учащихся, прогремел, как гром по всей школе. Учителя в классе всё ещё не было, поэтому они бурно и звонко продолжали спорить, болтать, повторять правила вслух и вообще просто общаться.

В классе стало невыносимо громко. Вдруг резко открылась дверь, и в кабинет, словно на парад, промаршировал грозный директор. За ним маленькими шажками спешил небольшого роста молодой человек, с виду лет двадцати пяти, одетый в очень яркий фиолетовый джемпер с красной бабочкой на шее и чёрные штаны, которые были ему большеваты. 5 «В» сразу же заметил гостей, грохот и крики утихли. Директор осуждающе посмотрел на класс. Немного помолчал. Затем резко начал:

– Ребята, у меня для вас приятная новость! Футбол...

Лицо одного из школьников сразу же расплылось в улыбке и, не дослушав директора, он воскликнул: «Урр-рра!!!» и подкинул тяжёлый рюкзак вверх, да сразу же его пнул, как великий футболист. Остальные ребята, не отставая, начали кричать, восхищаться, радоваться, что сейчас вместо скучного урока русского будет их любимый футбол! По классу, словно бомбы, начали летать набитые карандашами пеналы, огромные рюкзаки, разноцветные тетрадки падали как камни на пол. Несколько человек уже заметили испуганное лицо того самого молодого человека в ярком пиджаке, и бесполезные призывы директора к тишине. Класс начал медленно затихать, но улыбки и смех всё же оставались. Директор недоумённо покачал головой, он не понимал, что вызвало такую радость в пятом классе.

– Позвольте, 5 «В», я продолжу свою речь?

В ответ класс затих, да так, что директор даже услышал своё эхо.

– Так вот, ещё раз повторюсь. У меня для вас приятная новость. – Он показал на молодого человека который, дрожа, стоял рядом. – Футбол Сергей Владимирович, ваш новый учитель русского языка.

Марина АВДОНИНА ЗАКОНЫ СКАЗКИ

– Скажите, рыцарь, почему наш замок стоит не над прудом, где белый лебедь, к воде склонив дугой изящной шею, любитесь, как в зеркале, собою, и не над изумрудным океаном, что нежно гладит золотистый берег, вздыхая тихо, и в часы отлива всем дарит щедро россыпи ракушек, а над заливом северного моря, что дико бьётся о крутые скалы, и даже летом в нём нельзя купаться – так холодна вода и беспокойна?

– Поверьте мне, принцесса, я желал бы вас поселить в прекраснейшем из замков над озером прозрачным и бездонным, а может, над прудом зеркально-гладким, над ласковым и теплым океаном... увить бы стены диким виноградом, парк посадить – в нём яблони и липы, чтоб по весне в нем вили гнезда птицы и слух ваш нежным пеньем услаждали, и чтоб вдоль всех аллей цвели люльпаны... Но этому не сбыться.

– Почему же?

– А потому, принцесса, что законы той сказки, что зовём мы с вами жизнью, диктуют, что финал её быть должен логичным продолжением начала. И будь всё так, как я того желаю, то наша сказка кончилась бы

свадьбой – быть может, нашей с вами, о принцесса, а может, вашей с иноземным принцем. Но кто-то – я не знаю кто, принцесса, – сказал, что сказка кончится печально и что не будет свадьбы двух влюбленных, не будет долгой, безмятежной жизни...

– А что нас ждёт?

– Вам суждено, принцесса, уснуть навеки среди развалин замка. А мне... я буду призраком бесплотным бродить по скалам над холодным морем, блуждать по диким пустошам бескрайним, где не растут ни яблони, ни липы – там только ветер да лиловый вереск. Я вам принёс цветок... прошу, не плачьте.

Оглавление

Наталья КОЛЕСОВА	
Двери	3
Моя жена – чужая.....	12
Надежда КАЛАШНИКОВА	
Шахматы	13
Ольга БЕЛОУСОВА	
Условный рефлекс.....	16
Верни весну.....	18
Ольга ДУДАРЕНКО	
Прилетит летающая тарелка.....	25
Надежда КАРПОВА	
Почти человек.....	28
Надежда ДВОРЦОВА	
Ангел	36
Дарья ОРШАНСКАЯ	
Тропинка в лесу.....	39
Олеся ЛОГУНОВА	
Один день из жизни старого лешего.....	43
Самый сладкий сон.....	47
Анна ЧЕРНЫШЕВА	
О чём кричит ночная птица	49
Связь времён.....	51
Елена БАРАНОВА	
Новость слышали?.....	54
Алла МОЖДЖЕНСКАЯ	
Принятие потребительской корзины в Госдуме	64
Юлия ТАРЗАНОВА	
Сказка о времери	65
Футбол на уроке русского языка, или Приятная неожиданность.....	66
Марина АВДОНИНА	
ЗАКОНЫ СКАЗКИ	67

На первой стр. обл. – рисунок Софьи Бестужевой (Москва) «Шарманщик»

Тираж 50 экз.